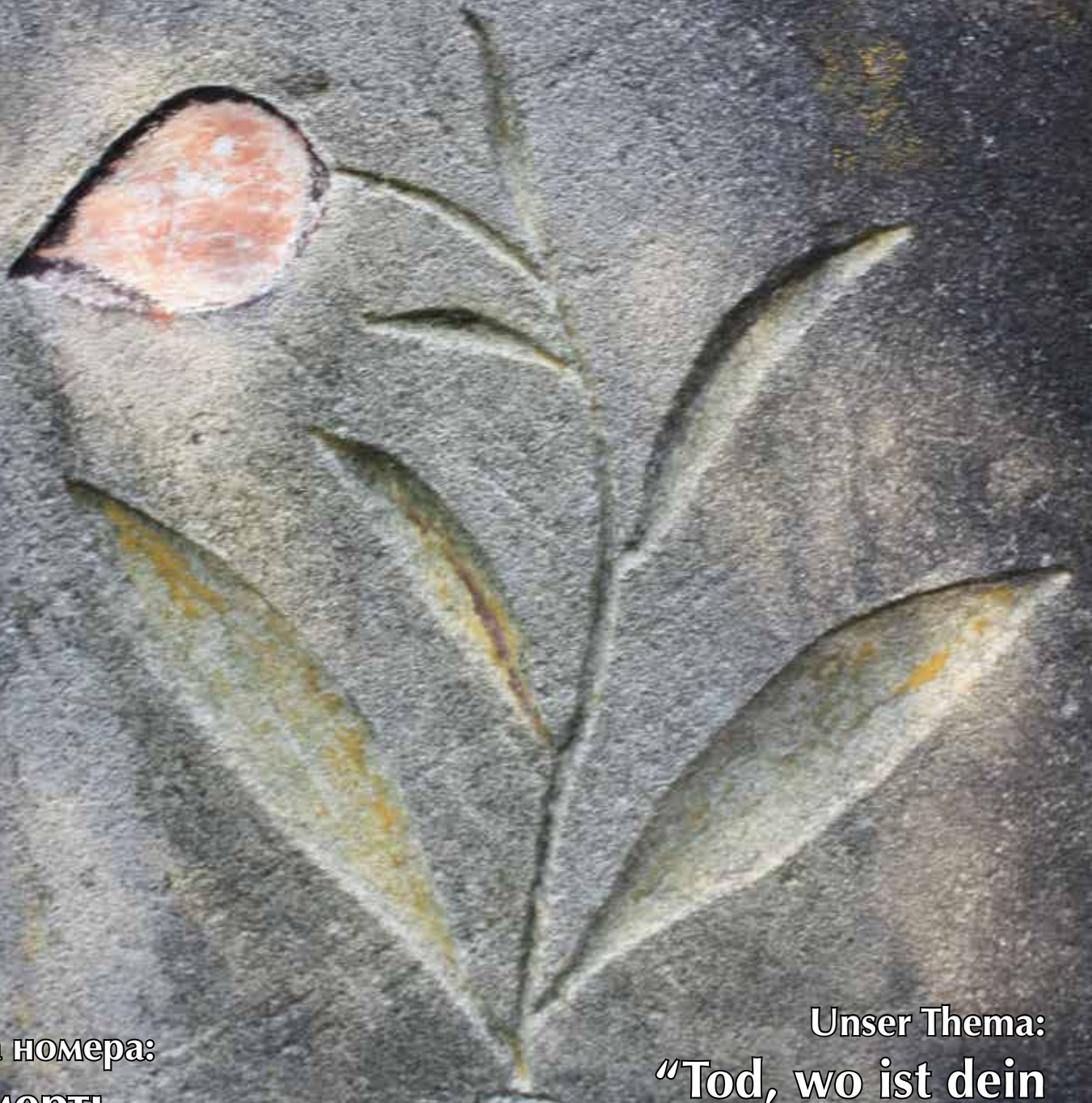

Der Bote

Вестник

Evangelisch-lutherische Zeitschrift № 1/2018 Евангелическо-лютеранский журнал

Тема номера:

«Смерть,
где твое жало?»

Прощание с земной жизнью

Unser Thema:

“Tod, wo ist dein
Stachel?”

Abschied vom irdischen Leben

В НОМЕРЕ: IN DIESEM HEFT:

От редакции / Editorial **3**
Антон Тихомиров / Anton Tichomirow

Проповедь / Predigt 4-5

Победа Воскресшего
Der Sieg des Auferstandenen
Дитрих Брауэр / Dietrich Brauer

**Тема номера: «Смерть, где твое жало?»
Unser Thema: „Tod, wo ist dein Stachel?“**

Богослужение для живых **6-10**
Ein Gottesdienst für die Lebenden
Евгений Лукинов / Jewgenij Lukinow

Подаренная вечность **11-13**
Geschenkte Ewigkeit
Иван Широков / Iwan Schirokow

«Божье поле» на берегу Волковки **14-17**
Der „Gottesacker“ am Ufer der Wolkowka
Анна Лисицына / Anna Lisitsyna

Без прошлого нет будущего **20-21**
Ohne Vergangenheit keine Zukunft
Вера Музафарова / Vera Musafarowa

«До свидания!» **22-25**
„Auf Wiedersehen!“
Елена Дякива / Elena Djakiwa

«Наша вера – это мост через смерть» **26-29**
„Unser Glaube ist eine Brücke über den Tod“
*Интервью с Еленой Курмышовой
Interview mit Elena Kurtmyschowa*

Еврейское кладбище – **30-32**
дом вечной жизни
Екатерина Карасёва

Детская страничка 18-19

Украшаем свечи в технике декупаж
Благословение. Соедини точки

Молитва / Gebet 33

Дыхание Твоей вечности
Hauch Deiner Ewigkeit
Романо Гвардини / Romano Guardini

Музыка 34-35

«До моей блаженной кончины»
Антон Тихомиров

В Е С Т Н И К

Журнал Централизованной религиозной организации «Евангелическо-Лютеранская Церковь России» выходит 3 раза в год

Редактор журнала
Елена Дякива

Верстка
Юлия Другова

Перевод на немецкий язык
Руфь Штубеницкая

Корректурa немецких текстов
Герхард Ройттер

Корректурa
Марина Худенко

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения автора

Адрес:
Россия,
191186, Санкт-Петербург,
Невский пр., 22-24

Тел.: (812) 571-94-17

E-mail: bote@elkras.ru

При перепечатке ссылка обязательна
Регистрационное свидетельство № 018676 от 7 апреля 1999 года

Отпечатано в типографии ООО "Пионер принт": Россия, 194156, Санкт-Петербург, пр. Энгельса, д. 13/2, лит. Л

Подписан в печать 10.04.2018

Тираж: 1000 экз.

На лицевой стороне обложки:
Надгробие на немецком кладбище в Асурети

DER BOTE

Zeitschrift der zentralisierten religiösen Organisation „Evangelisch-Lutherische Kirche Russlands“ erscheint dreimal im Jahr

Redaktion
Elena Djakiwa

Lay-Out
Julia Drugowa

Übersetzungen ins Deutsche
Ruth Stubenitzky

Korrektur der deutschen Texte
Gerhard Reutter

Korrektur
Marina Chudenko

Namentlich gekennzeichnete Artikel geben nicht grundsätzlich die Meinung der Redaktion wieder

Adresse:
Newski pr., 22-24
191186 St. Petersburg, Russland

Tel: (812) 571-94-17

E-mail: bote@elkras.ru

Druck: GmbH "Pionier print", Russland 194156, St. Petersburg, Engelsa pr., 13/2, „Л“

Redaktionsschluss – 10.04.2018

Auflage: 1000

Auf dem Titelbild:
Ein Grabstein auf dem deutschen Friedhof in Assureti

Дорогие читатели!

Христос воскрес!

Сейчас идет пасхальное время. Однако в этом номере мы решили посмотреть на тему Воскресения, так сказать, с обратной стороны, с изнанки. Почти все материалы посвящены смерти, погребению, устройству и истории кладбищ. Да, о Пасхе можно и нужно говорить и таким образом. Воскресение Христово неотделимо от Его крестной смерти, а для верующего смерть означает падение в милостивые руки Бога с надеждой на воскрешение в Его Царстве.

О смерти говорят все: и верующие, и неверующие. Но как по-разному! Я пробегаю глазами заголовки материалов нашего журнала. Почти в каждом из них есть слова: «жизнь», «надежда», «будущее». Мы живем с надеждой. И даже смерть, даже эта, казалось бы, последняя черта, не в силах ее у нас отобрать.

Эта весть в сконцентрированной форме содержится в проповеди Архиепископа Дитриха Брауэра. О смысле понятия вечности рассуждает в своем материале Иван Широков, давая нашей надежде богословское обоснование. Евгений Лукинов описывает свой богатый пасторский опыт работы с родственниками усопших и базовые принципы, заложенные в лютеранском обряде погребения. Елена Курмышова рассказывает о своей диаконической и душепопечительской работе с тяжелобольными и умирающими.

Кладбище – не только место памяти, но и место надежды. Эта мысль так или иначе прослеживается в целом ряде материалов: Анны Лисицыной, Веры Музафаровой, Елены Дякивой и Екатерины Карасёвой.

А в завершение мы предлагаем немного по-новому взглянуть на известное и часто исполняемое именно на погребении песнопение «Возьми же мои руки».

«Смерть – главная тема этого номера», – мог бы сказать кто-то. Но такое высказывание было бы неверным. Тема нашего номера – великая надежда!

*От имени редакции и редакционного совета
Антон Тихомиров, ректор Теологической семинарии
Евангелическо-Лютеранской Церкви, г. Санкт-Петербург*

Liebe Leserinnen und Leser!

Christus ist auferstanden!

Jetzt sind wir in der Osterzeit. Aber in diesem Heft haben wir beschlossen, das Thema der Auferstehung sozusagen von der anderen Seite, der Rückseite, zu betrachten. Fast alle Materialien handeln vom Tod, von der Bestattung, der Gestaltung und Geschichte von Friedhöfen. Ja, über Ostern darf und muss man auch so sprechen. Die Auferstehung Christi ist untrennbar verbunden mit seinem Kreuzestod, und für den Gläubigen bedeutet der Tod, in die barmherzigen Hände Gottes zu fallen – mit der Hoffnung auf eine Auferstehung in seinem Reich.

Vom Tod sprechen alle – sowohl Gläubige als auch Ungläubige. Aber wie unterschiedlich sie es tun! Ich überfliege die Überschriften der Materialien unserer Zeitschrift. Fast jede von ihnen enthält Wörter wie „Leben“, „Hoffnung“, „Zukunft“. Wir leben mit Hoffnung. Und selbst der Tod, selbst diese scheinbar letzte Grenze, ist nicht in der Lage, uns diese Hoffnung zu nehmen.

Diese Botschaft ist in konzentrierter Form in der Predigt von Erzbischof Dietrich Brauer enthalten. Über den Sinn des Ewigkeitsbegriffs denkt Iwan Schirokow in seinem Material nach und gibt unserer Hoffnung damit eine theologische Begründung. Jewgenij Lukinow beschreibt seine reichhaltigen pastoralen Erfahrungen in der Arbeit mit Angehörigen Verstorbener sowie die im lutherischen Bestattungsritus angelegten Grundprinzipien. Elena Kurmyschowa erzählt von ihrer diakonischen und seelsorgerlichen Arbeit mit Schwerkranken und Sterbenden.

Der Friedhof ist nicht nur ein Ort des Gedenkens, sondern auch ein Ort der Hoffnung. Dieser Gedanke lässt sich in der einen oder anderen Form in einer ganzen Reihe von Materialien verfolgen: in denen von Anna Lisitsyna, Vera Musafarowa, Elena Djakiwa und Jekaterina Karasjowa.

Und schließlich schlagen wir vor, das bekannte und gerade zur Bestattung häufig gesungene Lied „So nimm denn meine Hände“ ein wenig anders zu betrachten.

„Der Tod ist das Hauptthema dieses Heftes“, könnte jemand sagen. Aber diese Aussage wäre falsch. Das Thema unseres Heftes ist die große Hoffnung!

*Im Namen der Redaktion und des Redaktionsrates
Anton Tichomirow, Rektor des Theologischen Seminars
der Evangelisch-Lutherischen Kirche, St. Petersburg*

Победа Воскресшего

*Дитрих Брауэр, Архиепископ Евангелическо-Лютеранской Церкви России, г. Москва
Dietrich Brauer, Erzbischof der Evangelisch-Lutherischen Kirche Russlands, Moskau*

И когда я увидел Его, то пал к ногам Его, как мертвый. И Он положил на меня десницу Свою и сказал мне: не бойся; Я есмь Первый и Последний, и живой; и был мертв, и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи ада и смерти. (Откр. 1,17-18)

Пасха – праздник победы Бога. Иисус Христос победил мир и говорит своим ученикам: «Не бойтесь». Он победил смерть и ад.

Однако прежде чем говорить о победе Бога, поразмышляем над победой человека. Как правило, победить для нас означает одержать верх над другими. Обогнать, обхитрить, перебить, отнять, запугать – всё это составные части человеческих побед. В нашем сознании победа одного человека – почти всегда проигрыш другого. Но в определенный момент истины, наступающий в человеческой жизни, оказывается, что победителей нет вовсе и все победы ничтожны.

В социальной драме Юрия Быкова «Дурак» ярко описывается такой момент истины. Мы видим главного героя, который выбивается из общей массы победителей и проигравших – дурак, отстаивающий идеал правды, герой, который становится всеобщим посмешищем и одновременно – обличением. Он пожертвовал собой ради тех, кто этого не заслуживал. Он победил, потому что дарит свою победу без причин, свободно. И этот образ вполне соответствует христианскому духу. Ведь христианство – это не мертвые формулы, а попытка ответить на всё новые и новые сложные вопросы, поставленные лично мне.

Христианство, замкнутое на самом себе, не имеет смысла. И наоборот, христианское сознание и христианский характер преображают мир жизнью и смертью. Более того, христианская вера побеждает мир и смерть, являя непобедимую силу Божьего Духа в человеке. Этот Дух дает жизнь и защищает ее. Он побеждает и тогда, когда жизнь кажется навсегда побежденной, когда правда кажется попорченной, а борьба за свободу – бессмысленной.

Пасха – праздник Христа-победителя. Победа, которую он одерживает, это победа для грешников, проигравших во всех человеческих играх и состязаниях. Победа Иисуса не предъявляет никаких условий и совершается вопреки обстоятельствам. Победа Пасхи – чудо Воскресения – это победа жизни для каждого из нас. Она произошла, и она дарована человеку независимо от действий или бездействия человека.

Куличи и яйца на Пасху – добрая и милая традиция. Соблюдение религиозных предписаний может быть полезно, поминовение Иисуса добрым словом – тоже хорошее дело. Однако смысл Пасхи бесконечно глубже и важнее. Если мы душою приняли победу Бога, то Пасха для нас уже не просто один из религиозных праздников, а праздник события Воскресения, частью которого я становлюсь во времени и в вечности.

А также Пасха – это праздник Церкви как единения Божьего народа в общем уповании и общей благодарности Христу-победителю. Не ищите Иисуса в гробу идеологий, мифов и иллюзий. Его нет здесь. Он воскрес! И зовет нас последовать за Ним!

Иисус Христос явлен нам живым. Его не нужно искать среди мертвых. Он не мертв, и нельзя говорить о Нем так, будто Он мертв. Не нужно пытаться искусственно оживить Его, и не нужно делать из Него реликвию. Он жив. Его победа – наша победа. Он продолжает побеждать, когда мы действуем в Его духе.

Мы свидетельствуем о жизненности Иисуса Христа всякий раз, когда помогаем жизни побеждать смерть во всех ее проявлениях. И происходит это не столько посредством наших успехов и достижений, одобрения и признания со стороны людей, но в большей степени посредством того, что все победы мы посвящаем Богу. А у Него нет побежденных.

Те, которые оказались в дураках среди безумной толпы, те, которых безответственные правители и бессовестные священники проклинают и распинают, – принимают на себя образ Христа. Христиане не потому называются так, что превосходят других людей в чем-то, а потому, что в них живет и действует Христос. Своей верой, действующей любовью, своими молитвами, своим поиском ответов на главные вопросы бытия мы несем Пасху другим!

Христос живет в христианине, а потому он не унывает и не ропщет, а радостно и смело устремляется в будущее. ■

(Текст из Книги проповедей «Благодать. Вера. Свобода». Д.Б. Брауэр. Москва, 2018 год)

Der Sieg des Auferstandenen

Zu Ostern feiern wir Gottes Sieg. Jesus Christus hat die Welt überwunden und sagt seinen Jüngern: „Fürchtet euch nicht!“ Er hat Tod und Hölle überwunden.

Aber bevor wir vom Sieg Gottes sprechen, wollen wir über den Sieg des Menschen nachdenken. Normalerweise bedeutet Siegen für uns, anderen überlegen zu sein. Sie zu überholen, zu überlisten, niederzuringen, ihnen etwas wegzunehmen, sie einzuschüchtern – das alles sind Bestandteile menschlicher Siege. In unserem Bewusstsein ist der Sieg eines Menschen fast immer die Niederlage eines anderen. Aber zu einer bestimmten Stunde der Wahrheit, die im menschlichen Leben anbricht, stellt sich heraus, dass es keine Sieger gibt und alle Siege nichtig sind.

In Jurij Bykows Sozialdrama „Der Dummkopf“ wird so eine Stunde der Wahrheit eindrücklich beschrieben. Wir sehen die Hauptperson, einen Menschen, der sich aus der Masse der Sieger und Verlierer heraushebt – den Dummkopf, der sich für das Ideal der Wahrheit einsetzt, einen Helden, der zum Spott und gleichzeitig zur Entlarvung aller wird. Er hat sich selber für die aufgeopfert, die das nicht verdient hatten. Er hat gesiegt, weil er seinen Sieg ohne Gründe, aus freien Stücken schenkt. Dieses Bild entspricht durchaus dem christlichen Geist. Denn das Christentum besteht ja nicht aus toten Formeln, sondern aus dem Versuch, auf immer wieder neue schwierige Fragen zu antworten, die mir persönlich gestellt werden.

Ein Christentum, das in sich selber verschlossen ist, hat keinen Sinn. Und umgekehrt: Ein christliches Bewusstsein und ein christlicher Charakter verwandeln die Welt durch Leben und Tod. Mehr noch, der christliche Glaube siegt über Welt und Tod und offenbart die unbesiegbare Kraft von Gottes Geist im Menschen. Dieser Geist gibt das Leben und schützt es. Er siegt auch dann, wenn das Leben für immer besiegt zu sein scheint, wenn die Wahrheit mit Füßen getreten wird und der Kampf um Freiheit aussichtslos scheint.

Zu Ostern feiern wir Christus den Sieger. Der Sieg, den er erringt, ist ein Sieg für die Sünder, die bei allen menschlichen Spielen und Wettbewerben verloren haben. Der Sieg Jesu stellt keine Bedingungen und geschieht trotz aller Umstände. Der Oster-sieg – das Wunder der Auferstehung – ist ein Sieg des Lebens für jeden von uns. Er ist geschehen und er ist dem Menschen unabhängig von seiner Tätigkeit oder Untätigkeit geschenkt.

Osterkuchen und Ostereier sind eine schöne und nette Tradition. Das Einhalten religiöser Vorschriften kann nützlich sein, Jesus mit einem guten Wort zu erwähnen ist auch eine gute Sache. Aber der Sinn von Ostern ist unendlich viel tiefer und

Und als ich ihn sah, fiel ich zu seinen Füßen wie tot; und er legte seine rechte Hand auf mich und sprach zu mir: Fürchte dich nicht! Ich bin der Erste und der Letzte und der Lebendige. Ich war tot, und siehe, ich bin lebendig von Ewigkeit zu Ewigkeit und habe die Schlüssel des Todes und der Hölle. (Offb. 1,17-18)

wichtiger. Wenn wir Gottes Sieg in unserer Seele angenommen haben, ist Ostern für uns nicht bloß ein religiöser Feiertag, sondern das Fest des Auferstehungsereignisses, zu dessen Teil ich in Zeit und Ewigkeit werde.

Außerdem ist Ostern das Fest der Kirche als der Vereinigung von Gottes Volk in der gemeinsamen Hoffnung und der gemeinsamen Dankbarkeit an Christus den Sieger. Sucht Christus nicht im Grab der Ideologien, Mythen und Illusionen. Er ist nicht hier. Er ist auferstanden! Und er ruft uns dazu auf, ihm nachzufolgen!

Jesus Christus ist uns als Lebendiger erschienen. Man braucht ihn nicht bei den Toten zu suchen. Er ist nicht tot, und man darf von ihm nicht so sprechen, als ob er tot wäre. Man braucht nicht zu versuchen, ihn künstlich zu beleben, und man braucht keine Reliquie aus ihm zu machen. Er lebt. Sein Sieg ist unser Sieg. Er siegt weiter, wenn wir in seinem Sinn handeln.

Wir geben jedes Mal Zeugnis von der Lebendigkeit Jesu Christi, wenn wir dem Leben helfen, den Tod in allen seinen Erscheinungsformen zu besiegen. Und das geschieht nicht so sehr durch unsere Erfolge und Errungenschaften, durch Wertschätzung und Anerkennung von Seiten der Menschen, wie vielmehr dadurch, dass wir alle Siege Gott weihen. Und bei ihm gibt es keine Besiegten.

Diejenigen, die in der wahnsinnigen Menschenmenge die Dummen waren, diejenigen, die von verantwortungslosen Machthabern und gewissenlosen Priestern verflucht und gekreuzigt werden, übernehmen das Bild Christi. Christen heißen nicht so, weil sie irgendwie besser wären als andere Menschen, sondern weil Christus in ihnen lebt und handelt. Durch unseren Glauben, der in Liebe tätig ist, durch unsere Gebete, unsere Suche nach Antworten auf die Hauptfragen des Seins, bringen wir anderen Menschen das Osterfest!

Christus lebt im Christen, und deshalb verzagt und murt er nicht, sondern geht freudig und mutig in die Zukunft. ■

*(Text aus dem Predigtband „Blagodat‘. Vera. Svoboda“
D.B. Brauer. Moskau 2018)*

Богослужение для живых

Евгений Лукинов, пастор общины г. Краснотурьинска, Свердловская обл.

Jewgenij Lukinow, Pastor der Gemeinde in Krasnoturinsk, Gebiet Swerdlowsk

«Отпевание» – это богослужение для усопшего. О нем молятся, делают что-то для того, чтобы ему «там» было легче. «Погребение» – богослужение для живых

Я уже не помню, сколько раз ко мне обращались с просьбой «отпеть» умершего родственника, но могу сказать точно, ни одно мое богослужение никогда не повторяется с точностью во второй раз. Но начнем с самого начала.

Смерть – это неотъемлемая часть нашего существования. Так или иначе мы ощущаем ее присутствие, ее дыхание, ее силу и неизбежность. Задумываемся ли мы о том, что будет после смерти, или не задумываемся – это не важно. Смерть неизбежна. Однако вера в то, что после нее есть «что-то еще» присутствует у многих. В разных культурах и религиях есть определенное отношение к смерти, к проводам усопшего, да и вообще к «загробной жизни». Это тема настолько обширна, что даже в христианстве нет единого универсального шаблона для ее представления.

Да, есть Писание как единственный авторитетный источник. Но есть и священнодействия – «отпевание» у одних и «погребение» у других. В чем разница? Самое простое объяснение: «отпевание» – это богослужение для усопшего, о нем молятся, делают что-то для того, чтобы ему «там» было легче. «Погребение» – богослужение для живых. И совершается оно для утешения и для наставления. В лютеранской традиции нет отпевания. В лютеранской традиции – погребение.

Как было сказано выше, для погребения есть, как минимум, две причины – утешение и наставление. Это хорошо прослеживается в порядке погребения, принятом в Евангелическо-Лютеранской Церкви России. Одно из центральных библейских мест, вокруг которого строится богослужение – это отрывок из Послания к Римлянам (Рим. 8,31-39). В этих словах великое утешение – Христос победил смерть. Всё начинается

с любви. Из любви к нам Бог смертью и Воскресением Своего Сына побеждает саму смерть. У нас нет причин для «глубокой скорби и уныния». Смерть побеждена! Об этом говорит и Сам Христос (Ин.11,25). Верим ли мы в это?

Второй, очень важный момент – наставление. И вот здесь нужно быть достаточно деликатным, но честным. Мы не имеем права давать ложную надежду, ведь в нашем понимании обряд не дает никакой гарантии спасения и прощения грехов, как этого могут ожидать близкие усопшего.

Для меня как для пастора это один из самых сложных моментов. Здесь нужно быть хорошим душепопечителем. За долгие годы пасторского служения (более 15 лет) я совершил большое число погребений. Я не помню все службы, которые я провел. Но я помню первую и помню еще несколько самых «ярких». Да, бывали и такие! Их особенность определяли разные обстоятельства: самоубийство покойного, падение гроба во время похорон, смерть друга или коллеги. И на всех без исключения похоронах нужно быть душепопечителем.

Ein Gottesdienst für die Lebenden

Ich weiß gar nicht, wie oft ich schon darum gebeten wurde, einen verstorbenen Verwandten „auszusegnen“, aber ich kann mit Sicherheit sagen, dass keiner von meinen Gottesdiensten sich ein zweites Mal genauso wiederholt. Aber lasst uns ganz am Anfang beginnen.

Der Tod ist ein integraler Bestandteil unseres Daseins. Auf die eine oder andere Weise spüren wir seine Anwesenheit, seinen Atem, seine Kraft und Unausweichlichkeit. Egal ob wir darüber nachdenken, was nach dem Tod kommt, oder nicht. In verschiedenen Kulturen und Religionen gibt es jeweils eine bestimmte Einstellung zum Tod, zum letzten Geleit und überhaupt zum «Leben nach dem Tod». Dieses Thema ist so weitläufig, dass es sogar im Christentum keine einheitliche, universelle Schablone für seine Darstellung gibt.

Ja, es gibt die Schrift als einzige Quelle mit Autorität. Aber es gibt auch die Kasualien – bei den einen die „Aussegnung“, bei den anderen die „Bestattung“. Die einfachste Erklärung: Eine „Aussegnung“ ist ein Gottesdienst für den Verstorbenen, für ihn wird gebetet,

etwas wird dafür getan, dass es ihm „dort“ besser geht. Eine „Bestattungsfeier“ ist ein Gottesdienst für die Lebenden. Und sie findet zum Trost und zur Unterweisung statt. In der lutherischen Tradition gibt es keine Aussegnung. In der lutherischen Tradition gibt es die Bestattung.

Wie oben gesagt gibt es mindestens zwei Gründe für die Bestattungsfeier: Trost und Unterweisung. Das ist gut am Verlauf der Bestattungsfeier zu erkennen, wie er in der Evangelisch-lutherischen Kirche Russlands üblich ist. Eine der zentralen Bibelstellen, um die herum der Gottesdienst aufgebaut ist, ist ein Ausschnitt aus dem Römerbrief (Röm. 8,31-39). In diesen Worten steckt ein großer Trost: Christus hat den Tod besiegt. Alles beginnt mit der Liebe. Aus Liebe zu uns besiegt Gott durch Tod und Auferstehung seines Sohnes den Tod selbst. Wir haben keine Gründe zur „tiefen Trauer und Verzweiflung“. Der Tod ist besiegt! Das sagt uns Christus selbst (Joh. 11,25). Glauben wir daran?

Der zweite sehr wichtige Aspekt ist die Unterweisung. Und hier müssen wir recht taktvoll, aber ehrlich sein. Wir haben nicht das Recht, falsche Hoffnung zu geben, denn in unserem Verständnis schenkt der Ritus keinerlei Garantie der Rettung und Sündenvergebung, wie es die Angehörigen des Verstorbenen vielleicht erwarten.

Für mich als Pastor ist das eins der schwierigsten Momente. Hier muss man ein guter Seelsorger sein. In meinem langjährigen Pastorendienst (über 15 Jahre) habe ich eine große Anzahl an Bestattungen gehalten. Ich erinnere mich nicht an alle Gottesdienste, die ich gehalten habe. Aber ich erinnere mich an den ersten und an einige der „markantesten“. Ja, solche hat es auch gegeben! Ihre Besonderheit war durch unterschiedliche Umstände bedingt: Selbstmord des Verstorbenen, Absturz des Sarges während der Beerdigung, Tod eines Freundes oder Kollegen. Und bei allen Beerdigungen ohne Ausnahme muss man Seelsorger sein.

Dazu kann man unterschiedlicher Einstellung sein, aber es ist wichtig, sich daran zu erinnern: Die Ewigkeit hängt nicht vom Beerdigungsritus ab. Egal, ob dieser Ritus vollzogen wurde oder nicht – für den Verstorbenen bedeutet das nichts. Wir können an einige Stellen aus der Schrift denken, die uns klar darauf hinweisen: „Der Gerechte wird aus Glauben leben“ (Röm. 1,17),

Eine „Aussegnung“ ist ein Gottesdienst für den Verstorbenen, für ihn wird gebetet, etwas wird dafür getan, dass es ihm „dort“ besser geht. Eine „Bestattungsfeier“ ist ein Gottesdienst für die Lebenden

→ Мы не имеем права давать ложную надежду, ведь в нашем понимании обряд не дает никакой гарантии спасения и прощения грехов

К этому можно относиться по-разному, но важно помнить: вечность не зависит от обряда похорон. Неважно, был этот обряд совершен или нет – для усопшего это ничего не значит. Мы можем вспомнить несколько мест из Писания, которые четко укажут нам на это: «Праведный верою жив будет» (Рим.1,17), «Имеющий Сына имеет жизнь; не имеющий Сына Божия не имеет жизни» (1 Ин. 5,11-13) и другие. В этом и заключается и наставление, и душепопечительство.

Поэтому со временем у меня слегка поменялся подход к данному богослужению. Если раньше главными условиями для погребения было то, чтобы усопший был крещен, и то, чтобы я мог проповедовать Евангелие, то теперь я задаю вопрос «А кому и для чего это нужно?». Однажды ко мне пришла женщина с просьбой провести похороны, сказав: «Пастор, мне сказали, что вы никому никогда не отказываете и хороните всех!». Но это не так. Иногда я отказываю. И это уже тема для основательного душепопечительского разговора с теми, кто просит провести «отпевание».

Да, от обряда похорон ничего не зависит, во всяком случае, для усопшего. И эта особенность позволила мне хоронить самоубийц. В моей практике было шесть подобных богослужений. Я помню их хорошо. Особенно первое

подобное богослужение и мой конфликт со старшим поколением в братской общине из-за этого. «Не судите и не судимы будете!» – единственное, что я мог тогда ответить. Для меня всегда был важен вопрос – если христианская традиция не позволяет мне быть с родственниками самоубийцы в этот тяжелейший момент, то для чего вообще нужно мое служение? Частично силы для себя в этой борьбе я нашел в Агенде Евангелическо-Лютеранской Церкви в Российской Империи. Там не было порядка традиционного богослужения для погребения самоубийц. Но там содержался порядок укороченного богослужения, проповедь или наставление для подобного случая.

Как я уже сказал в самом начале, мои богослужения никогда не бывают одинаковыми. Это правда. Несмотря на достаточно скромный чин богослужения по случаю погребения, есть множество вариантов сделать его очень личным для скорбящих. В такие моменты мне особенно помогает псалом 120, начинающийся словами «Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя».

Мы живем в обществе, традиции которого сформированы под влиянием православной культуры. Для многих важным является вопрос поминовения усопших, особенно обычай устраивать поминки умершего на 3-й, 9-й и 40-й день

В евангелической традиции при церковном погребении проводится богослужение с молитвами, чтениями из Библии и проповедью. По желанию родственников также может быть зачитана краткая биография усопшего. У могилы гроб или урна опускается в землю. Пастор трижды бросает землю в могилу и при этом говорит: «Земля к земле, пепел к пеплу, прах к праху. Иисус Христос воскресит его/ее. Да будет Господь милостив к нему/к ней на Страшном суде, дабы взирать ему/ей на вечную славу Господню. Да пребудет с ним/с нею мир». Затем зачитываются фрагменты из Библии о воскресении мертвых, и произносятся молитвы.

В заключение погребения близкие покойного могут еще раз бросить в могилу землю. Они могут также бросить в могилу цветы или просто тихо стоять, прощаясь с усопшим. В этот момент уместно подать руку родственникам покойного и выразить им соболезнование. Часто после погребения проводится совместная трапеза родственников и друзей покойного, так называемые поминки.

(Из книги «Праздники веры, надежды, любви. Евангелические традиции сегодня». Мюнхен, 2003)

In der evangelischen Tradition findet bei einer kirchlichen Bestattung ein Gottesdienst statt, bei dem gebetet, aus der Bibel gelesen und gepredigt wird. Wenn die Angehörigen es wünschen, kann auch ein kurzer Lebenslauf des Verstorbenen vorgelesen werden. Am Grab wird der Sarg oder die Urne in die Erde gesenkt. Der Pfarrer wirft dreimal Erde in das Grab und sagt dabei: „Erde zu Erde, Asche zu Asche, Staub zu Staub. Jesus Christus wird ihn/sie auferwecken. Er sei ihm/ihr gnädig im Gericht und lasse ihn/sie die ewige Herrlichkeit schauen. Friede sei mit ihm/ihr.“ Nun werden Abschnitte aus der Bibel über die Auferstehung der Toten gelesen und Gebete gesprochen.

Den Erdwurf können die Angehörigen am Ende der Bestattung wiederholen. Sie können aber auch Blumen ins Grab werfen oder einfach still Abschied nehmen. An dieser Stelle ist es möglich, den engsten Angehörigen die Hand zu geben und ihnen Beileid zu wünschen. Oft findet nach der Beerdigung ein gemeinsames Essen der Angehörigen und Freunden des Verstorbenen statt, der so genannte „Leichenschmaus“.

(Aus dem Buch „Glauben. Lieben. Hoffen. Christliche Feste verstehen und mitfeiern“. München, 2003)

„Wer den Sohn hat, hat das Leben, wer den Sohn Gottes nicht hat, hat das Leben nicht“ (1. Joh. 5, 11-13) und andere. Darin besteht sowohl die Unterweisung als auch die Seelsorge.

Deshalb hat sich mein Ansatz bei diesem Gottesdienst mit der Zeit leicht verändert. Während früher die Hauptbedingung für die Bestattung darin bestand, dass der Verstorbene getauft war, und zwar damit ich das Evangelium predigen konnte, stelle ich jetzt die Frage „Wer hat das nötig und wozu?“ Einmal kam eine Frau zu mir mit der Bitte: „Herr Pastor, mir ist gesagt worden, dass Sie niemals jemanden abweisen, sondern alle beerdigen!“ Aber das ist nicht so. Manchmal sage ich nein. Und das ist auch ein Thema für ein gründliches seelsorgerliches Gespräch mit denen, die darum bitten, die „Aussegnung“ zu halten.

Ja, vom Ritus der Beerdigung hängt nichts ab, jedenfalls nicht für den Verstorbenen. Und diese Besonderheit hat es mir ermöglicht, Selbstmörder zu beerdigen. In meiner Praxis hat es sechs derartige Gottesdienste gegeben. Ich erinnere mich gut daran. Besonders an den ersten solchen Gottesdienst und meinen Konflikt darum mit der älteren Generation in der Brüdergemeinde. „Richtet nicht, auf dass ihr nicht gerichtet werdet!“ war das einzige, was ich damals antworten konnte. Für mich war immer die Frage wichtig: Wenn die christliche Tradition mir

nicht erlaubt, den Angehörigen eines Selbstmörders in diesem schweren Moment beizustehen, wozu ist mein Dienst dann überhaupt gut? Teilweise habe ich die Kraft für mich in diesem Kampf in der Agenda der Evangelisch-lutherischen Kirche im Russischen Reich gefunden. Dort gab es keine Ordnung für einen traditionellen Gottesdienst bei der Bestattung von Selbstmördern. Aber dort war eine Ordnung für einen verkürzten Gottesdienst, eine Predigt und Unterweisung zu einem solchen Moment enthalten.

Wie ich schon ganz zu Anfang gesagt habe, kommen bei mir keine exakt gleichen Gottesdienste vor. Das stimmt. Trotz der recht schlichten Gottesdienstordnung für die Bestattung gibt es eine Vielzahl von Varianten, um ihn für die Trauernden ganz persönlich zu gestalten. In solchen Momenten hilft mir besonders Psalm 121, der mit den Worten beginnt: „Ich hebe meine Augen auf zu den Bergen, woher mir Hilfe kommt“.

Wir leben in einer Gesellschaft, deren Traditionen sich unter dem Einfluss der orthodoxen Kultur gebildet haben. Für viele ist die Frage nach dem Gedenken an die Entschlafenen wichtig, besonders die Sitte, am dritten, neunten und vierzigsten Tag nach seinem Tod Gedenkmähler zu halten. Diese Sitte hat mit der orthodoxen Vorstellung davon zu tun, was mit der Seele des Menschen nach seinem Tod geschieht. In der lutherischen Tradition gibt es kein derartiges

Wir haben nicht das Recht, falsche Hoffnung zu geben, denn in unserem Verständnis schenkt der Ritus keinerlei Garantie der Rettung und Sündenvergebung

Последнее воскресенье церковного года – это День поминовения Усопших или Воскресенье Вечности. Это воскресенье предшествует Первому Адвенту и выпадает на конец ноября. Так как во многих общинах поминовение усопших интегрировано в богослужение Воскресенья Вечности, оба названия могут по отдельности ли вместе употребляться для обозначения этого дня в церковном календаре.

На богослужении зачитываются имена прихожан, умерших в прошедшем году. Часто в память о них зажигаются свечи. Но можно также зажечь свечу и в память о других ушедших, если кто-то хочет это сделать. Звучат молитвы об усопших и скорбящих, их вверяют Божьей любви. Часто в это воскресенье во время богослужения преподают Причастие как знак сообщества всех детей Божьих, переходящего границы смерти.

Воскресенье Вечности дает пространство для размышления и о нашей собственной кончине, как это звучит в псалме 89: «Научи нас так счислять дни наши, чтобы нам приобрести сердце мудрое» (Пс. 89,12). Какое значение в моей жизни имеет то, что, по крайней мере, моя физическая жизнь, мое общение с другими людьми однажды закончатся? Кто зажжет свечу в память обо мне? На что я возлагаю свою надежду? Это поможет нам осознать вечность не как что-то, что ожидает нас только после смерти. Сияние вечности озаряет нашу жизнь уже здесь. В моменты любви, в такие моменты, когда мы чувствуем Божье присутствие. В нем соединяется наша жизнь до смерти и после нее.

(Из книги „Mit Gott leicht gesagt. Evangelischer Elementarkatechismus“. München, 2017)

Der letzte Sonntag des Kirchenjahres heißt „Toten- oder Ewigkeitssonntag“. Er liegt vor dem 1. Advent, also Ende November. Da in den meisten Gemeinden das Gedenken an die Entschlafenen in den Gottesdienst am Ewigkeitssonntag integriert wird, können beide Bezeichnungen für sich oder auch zusammen für diesen Sonntag gebraucht werden.

Im Gottesdienst werden die Namen der im vergangenen Jahr Verstorbenen verlesen. Oft wird für sie eine Kerze entzündet. Auch für jeden anderen Verstorbenen, an den sich jemand erinnern möchte, kann mancherorts eine Kerze angezündet werden. Für die Toten und Trauernden wird gebetet, sie werden gemeinsam der Liebe Gottes anvertraut. Häufig wird an diesem Sonntag Abendmahl gefeiert, um die über den Tod hinausreichende Gemeinschaft aller Kinder Gottes auszudrücken.

Der Ewigkeitssonntag eröffnet einen Raum zum Nachdenken auch über die eigene Endlichkeit, wie es im 90. Psalm heißt: „Lehre uns bedenken, dass wir sterben müssen, auf dass wir klug werden.“ (Ps. 90,12) Was bedeutet es für mein Leben, dass zumindest mein körperliches Leben, meine Gemeinschaft mit anderen Menschen vergänglich sind? Wer wird für mich eine Kerze anzünden? Worauf hoffe ich? Und Ewigkeit kann mir bewusst werden als etwas, das nicht nur nach dem Tod auf mich wartet. Ewigkeit scheint schon hier auf. In Momenten der Liebe, in Erfahrungen, in denen wir Gottes Gegenwart spüren. In ihr sind das Leben vor dem Tod und das Leben nach dem Tod verbunden.

(Aus dem Buch „Mit Gott leicht gesagt. Evangelischer Elementarkatechismus“. München, 2017)

→ после его кончины. Этот обычай связан с православным представлением о том, что происходит с душой человека после его смерти. В лютеранской традиции нет подобного поминовения усопших. Но мы живем среди людей, для которых важен этот православный обычай. Хотя многие из них сегодня уже могут не осознавать его связь с церковной традицией и делать это просто потому, что «так принято».

Смысл же ее таков: в третий день после смерти усопшего православная Церковь вспоминает о Воскресении Христа и просит о грядущем воскресении для умершего. На девятый день Церковь просит Господа, чтобы усопший был причислен к лику угодников (их девять чинов). На сороковой день – молится о вознесении усопшего на небо (подобно вознесению Христа). А сорок дней траура – это усиленная молитва родных и близких, которая называется «сорokoуст». Для смешанных, лютеранско-православных, семей значение такого поминовения сохраняется. Но с библейской точки зрения, это вопрос традиции и, скорее, душепопечения с живыми.

В нашем лютеранском церковном календаре есть «Воскресенье Вечности» – последнее воскресенье церковного года перед началом Адвента. Это «официальный» общий день, когда мы можем помянуть наших усопших. Однако это вовсе не означает, что в любое другое воскресенье (если в общине есть такая традиция) мы не можем помянуть тех, кто умер. Главное – понимать, что поминовение – это не молитва за упокой души. Мы не молимся о них, мы стараемся не забывать о них, сохраняем в памяти их доброту, уроки, наставления. Всё в руках Бога, нам ничего не изменить. ■

Gedenken an die Entschlafenen. Aber wir leben unter Menschen, für die diese orthodoxe Sitte wichtig ist. Obwohl viele von ihnen heute vielleicht nicht mehr deren Verbindung zur kirchlichen Tradition sehen, sondern die Dinge bloß tun, weil es „so üblich“ ist.

Ihr Sinn besteht in Folgendem: Am dritten Tag nach dem Tod des Entschlafenen erinnert sich die orthodoxe Kirche an die Auferstehung Christi und bittet um die kommende Auferstehung für den Verstorbenen. Am neunten Tag bittet die Kirche den Herrn darum, dass der Entschlafene zu den Gottgefälligen gezählt wird (diese werden in neun Kategorien unterteilt). Am vierzigsten Tag betet sie um die Aufnahme des Entschlafenen in den Himmel (entsprechend der Himmelfahrt Christi). Und die vierzig Trauertage bestehen in intensivem Gebet der Verwandten und Angehörigen, welches „Sorokoust“ (von den Worten „vierzig“ und „Lippen“, A.d.Ü.) genannt wird. Für gemischte lutherisch-orthodoxe Familien bleibt die Bedeutung dieses Gedenkens erhalten. Aber aus biblischer Sicht ist es eine Frage der Tradition und eher der Seelsorge an den Lebenden.

In unserem lutherischen Kirchenkalender gibt es den „Ewigkeitssonntag“: den letzten Sonntag des Kirchenjahres vor Beginn der Adventszeit. Das ist der „offizielle“, gemeinsame Tag, an dem wir unserer Verstorbenen gedenken können. Das bedeutet jedoch durchaus nicht, dass wir nicht an jedem beliebigen anderen Sonntag (wenn es in der Gemeinde die Tradition gibt) derer gedenken könnten, die gestorben sind. Das Wichtigste ist zu verstehen, dass das Gedenken kein Gebet um den Seelenfrieden des Verstorbenen ist. Wir beten nicht für sie, wir bemühen uns, sie nicht zu vergessen, bewahren in unserem Gedächtnis ihre Güte und das, was wir von ihnen gelernt haben. Alles ist in Gottes Händen, wir können nichts ändern. ■

Подаренная вечность

Geschenkte Ewigkeit

Вопросы жизни и смерти, как никакие другие, волнуют человечество с самого начала его существования на земле. Так же, как и вопрос о том, что же находится за гранью этих понятий? Именно этот вопрос породил изначальное стремление человека к объяснению своей собственной природы. В этих поисках перед ним неминуемо возникают несколько важнейших вопросов, на которые в разное время и по-разному он вынужден отвечать.

Эти вопросы возникают на пути поиска аналогий и сравнения собственного существа с окружающим миром и подобием других творений человека, сравнения собственного существа с такими же человеческими существами и с «божественным» – т. е. тем, что находится за границей познания, с тем, что человек не в состоянии объяснить, используя эмпирические методы (иначе методы чувственного познания).

Если с первыми двумя вопросами – сравнением себя с миром и с другими людьми – каждый человек в состоянии разобраться самостоятельно, приложив определенные усилия, то как быть с вопросом взаимоотношения человека и божественного? Ответ на этот вопрос является тем самым базисом, на котором основывается любая религия, в том числе даже самые первые и самые примитивные культы.

Попробуем разрешить поставленную задачу, используя нашу, христианскую, точку зрения. Идея воскресения есть кульминация христианской надежды, эту идею мы возвещаем каждый раз, произнося Символ Веры. Мы, христиане, веруем и исповедуем Предвечносущего Бога в трех Ипостасях, каждая из которых раскрывается нам в Священном Писании. Мы также осознаем свою отстраненность от Божественного естества, возникшую вследствие грехопадения, и возлагаем всю свою надежду на искупление и, в конечном счете, устранение этой отстраненности на Бога. Мы веруем, также, что мы сами не можем преодолеть эту дистанцию и поэтому верим в то, что по своей милости, жертвой Своего Единородного Сына и действием Духа Святого в нас, Бог сам преодолевает этот путь.

Дие Fragen um Leben und Tod treiben die Menschheit von Anbeginn ihrer Existenz auf der Erde mehr um als alle anderen. Genauso wie auch die Frage, was jenseits der Grenze dieser Begriffe liegt. Genau diese Frage hat dazu geführt, dass der Mensch von Anfang an bestrebt ist, seine eigene Natur zu erklären. Bei dieser Suche stellen sich ihm unausweichlich einige hochwichtige Fragen, auf die er zu unterschiedlichen Zeiten und auf unterschiedliche Weise antworten musste.

Diese Fragen tauchen auf dem Weg der Suche nach Analogien und Vergleichen des eigenen Wesens mit der umgebenden Welt und nach Ähnlichkeiten anderer Geschöpfe mit dem Menschen auf, und wenn er sein eigenes Wesen mit ebensolchen menschlichen Wesen vergleicht und auch mit «göttlichen» Wesen – dem, was jenseits der Grenze der Erkenntnis liegt, mit dem, was der Mensch nicht mit empirischen Methoden (also Methoden der sinnlichen Wahrnehmung) zu erklären in der Lage ist.

Mit den ersten beiden Fragen – sich selber mit der Welt und mit anderen Menschen zu vergleichen – wird jeder Mensch selbständig fertig, wenn er gewisse Anstrengungen unternimmt, aber wie soll man die Frage nach dem Verhältnis zwischen dem Menschen und dem Göttlichen angehen? Die Antwort auf diese Frage ist genau die Basis, auf der jede Religion gründet, auch die allerersten und primitivsten Kulte.

Versuchen wir, die gestellte Aufgabe zu lösen, indem wir unseren, den christlichen Standpunkt nutzen. Die Idee der Auferstehung ist der Höhepunkt der christlichen Hoffnung, diese Idee verkündigen wir jedes Mal, wenn wir das Glaubensbekenntnis sprechen. Wir Christen glauben und bekennen einen von Ewigkeit her bestehenden Gott in drei Hypostasen, von denen sich uns jede in der Heiligen Schrift erschließt. Wir erkennen auch unsere Entfremdung von der göttlichen Natur, die durch den Sündenfall geschah, und setzen unsere Hoffnung auf die Erlösung und die letztendliche Aufhebung dieser Entfremdung auf Gott. Wir glauben außerdem, dass wir selbst diesen Abstand nicht überwinden können, und deshalb glauben wir daran, dass Gott selber in seiner Barmherzigkeit durch das Opfer seines eingeborenen Sohnes und das Wirken des Heiligen Geistes in uns diesen Weg zurücklegt.

*Иван Широков, пастор
общины г. Ярославля*

*Iwan Schirokow, Pastor
der Gemeinde in Jaroslawl*

→ Предвечное существование Бога, Его нахождение «вне времени», в свою очередь, не означает то, что Он не действует прямо сейчас или не будет действовать в будущем, это значит лишь то, что для Бога вопрос времени неактуален, Он «вчера и сегодня и во веки тот же» (Евр. 13,8). Время актуально лишь для нас, для существующих здесь и сейчас, но не для Него. Тем не менее, мы не можем утверждать, что время существует отдельно от Него. «В Твоей руке дни мои» (Пс. 30,16) – этим стихом псалмопевец утверждает, что именно Господь Бог является господином времени и лишь Ему оно подвластно. Тема конечности и ограниченности человека по-особенному раскрывается в Псалмах, и это также важно для нас.

Для большинства людей смерть – это состояние, в котором совершенно нет никакой надежды, но для нас, для принявших жертву Христа и благословляемых Им, несомненно, надежда есть

Время, по сути, – самый важный фактор, который ограничивает наше существование. Состояние жизни – это состояние пребывания во временной парадигме, но давайте уберем из этой парадигмы время, что получится тогда? Что есть состояние после смерти, сам акт смерти будем считать всё-таки финальным событием жизни, сравнимо ли это состояние с тем, в котором каждый из нас пребывал до своего рождения? Ведь и после смерти, и до рождения время неактуально для нас. На мой взгляд, пребывание в этом состоянии можно охарактеризовать одним словом – вечность. Вечность как пребывание вне времени – более удачная модель, нежели вечность как неограниченно большое количество времени.

Рассуждения о вечности, на самом деле, – неотъемлемая часть нашей человеческой природы. Тоска по утраченной связи с вечностью, а вместе с тем, и с Богом, вшита в нашу природу самим Творцом для того, чтобы мы непременно искали Его и встречи с Ним. Ни один человек не может поведать нам о том, что происходит с нами, когда наша жизнь угасает. Лишь один Господь Бог, через откровение Своего Единородного Сына может приоткрыть нам завесу тайны, но до времени лишь немного.

И если мы задумаемся, что же самое пугающее в смерти, то большинство из нас скажет, что это неизвестность. Страх перед смертью пугающе естественен и есть в каждом человеке. Для большинства людей смерть – это состояние, в котором совершенно нет никакой надежды, но для нас, для принявших жертву Христа и благословляемых Им, несомненно, надежда есть.

Иисус Христос – первенец из воскресших и Пасхальная история о Его Воскресении, как ничто другое, дарит надежду и нам. Помимо того, что сама по себе история, описанная евангелистами, чрезвычайно интересна – как с художественной точки зрения, так и как кульминация евангельского

повествования. Ведь читая Евангелия, мы часто позволяем себе смещать акцент на описание страстей Христовых и собственно голгофскую жертву, но, на мой взгляд, это не совсем корректно. Если бы такие важные части евангельской истории действительно были кульминационными, то дальнейшую историю о Воскресении можно было бы свести к нескольким стихам повествования.

Евангельская история продолжается описанием событий, которые случились уже после Пасхи, после Христова Воскресения, и именно это описание представляет собой основу нашего упования и центр нашей христианской веры, вокруг этого повествования концентрируется целый пласт богословской мысли. Безусловно, помимо строго научных изысканий и интереса, повествование о Воскресении имеет также сугубо практическое значение для ежедневной жизни христианина.

В минуты тяжелых жизненных испытаний мы ищем утешения в Слове Божьем и, пожалуй, ничто другое так не утешает нас и не дает нам силу и надежду, как история о Воскресшем Христе. Он был слаб и немощен на кресте, подвергся унижительным испытаниям, был отвержен теми, к кому был послан. Но, несмотря на всё это, Он восторжествовал над смертью Своим Воскресением и подарил надежду многим. Нам, Его ученикам и наследникам, следует также, взирая на Его крест, помнить о том, что Он по Своей великой милости, своей смертью и Воскресением принял нас из времени в вечность. ■

Die Existenz Gottes von Ewigkeit her, seine Befindlichkeit „außerhalb der Zeit“, bedeutet ihrerseits nicht, dass Gott nicht gerade jetzt handelt oder dass er in Zukunft nicht handeln wird, sondern bloß, dass die Frage der Zeit für Gott nicht aktuell ist, er ist „gestern und heute und derselbe auch in Ewigkeit“ (Hebr. 13,8). Die Zeit ist nur für uns aktuell, die wir hier und jetzt existieren, aber nicht für ihn. Trotzdem können wir nicht behaupten, die Zeit bestehe getrennt von ihm. „Meine Zeit steht in deinen Händen“ (Ps. 30,16) – mit diesem Vers erklärt der Psalmist, dass kein anderer als Gott der Herr auch Herr der Zeit ist und dass sie allein in seiner Macht steht. Das Thema der Endlichkeit und Begrenztheit des Menschen wird auf besondere Weise in den Psalmen erschlossen, und das ist auch wichtig für uns.

Die Zeit ist im Grunde der wichtigste Faktor, der unser Wesen begrenzt. Der Zustand des Lebens ist ein Zustand der Befindlichkeit im zeitlichen Paradigma, aber wenn wir einmal die Zeit aus diesem Paradigma entfernen – was erhalten wir dann? Was ist der Zustand nach dem Tod – das Sterben an sich wollen wir noch als Schlussereignis des Lebens zählen –, ist dieser Zustand vergleichbar mit dem, in dem jeder von uns sich vor seiner Geburt befand? Denn sowohl nach dem Tod als auch vor der Geburt ist die Zeit für uns nicht aktuell. Meiner Ansicht nach kann man die Befindlichkeit in diesem Zustand mit einem Wort charakterisieren: Ewigkeit. Ewigkeit als Befindlichkeit außerhalb der Zeit ist ein gelungeneres Modell, als es die Ewigkeit als unbegrenzt große Menge an Zeit wäre.

Das Nachdenken über die Ewigkeit ist tatsächlich ein integraler Bestandteil unserer menschlichen Natur. Die Sehnsucht nach der verlorenen Verbindung zur Ewigkeit und damit auch zu Gott ist vom Schöpfer selbst in unsere Natur eingebaut, damit wir ihn und die Begegnung mit ihm auf jeden Fall suchen. Kein einziger Mensch kann uns mitteilen, was mit uns geschieht, wenn unser Leben verlischt. Nur Gott der Herr allein kann durch die Offenbarung seines eingeborenen Sohnes den Vorhang des Geheimnisses lüften, aber zunächst nur ein wenig.

Und wenn wir darüber nachdenken, was das Erschreckendste am Tod ist, dann werden, denke ich, die meisten von uns sagen: die Ungewissheit. Die Angst vor dem Tod ist erschreckend natürlich, und es gibt sie in jedem Menschen. Für die meisten Menschen ist der Tod ein Zustand, in dem es überhaupt keine Hoffnung gibt, aber für uns, die wir das Opfer Christi angenommen haben und von ihm gesegnet werden, gibt es Hoffnung.

Jesus Christus ist der Erstgeborene unter den Auferstandenen, und die Ostergeschichte von seiner Auferstehung schenkt auch uns Hoffnung wie nichts Anderes. Abgesehen davon, dass die von den Evangelisten beschriebene Geschichte an sich höchst interessant ist – sowohl literarisch als auch als Höhepunkt der Evangeliumserzählung. Denn beim Lesen des Evangeliums erlauben wir es uns oft, den Akzent auf die Beschreibung der Leiden Christi und das eigentliche Opfer auf Golgatha zu verschieben, aber das ist meiner Ansicht nach nicht ganz korrekt. Wenn diese wichtigen Teile der Evangeliumsgeschichte wirklich der Höhepunkt wären, hätte die darauffolgende Geschichte von der Auferstehung in ein paar Versen abgehandelt werden können.

Die Geschichte im Evangelium geht weiter mit der Beschreibung der Ereignisse, die erst nach Ostern, nach der Auferstehung Christi, stattfanden, und gerade diese Beschreibung stellt die Grundlage unserer Hoffnung und das Zentrum unseres christlichen Glaubens dar, um diese Erzählung herum konzentriert sich eine ganze Schicht theologischen Denkens. Zweifellos hat die Erzählung von der Auferstehung außer den streng wissenschaftlichen Forschungen und Interessen auch eine rein praktische Bedeutung für das tägliche Leben als Christ.

In Momenten schwerer Lebensprüfungen suchen wir Trost im Wort Gottes, und es gibt wohl nichts Anderes, was uns so tröstet und uns solche Kraft und Hoffnung gibt wie die Geschichte vom auferstandenen Christus. Er war am Kreuz schwach und kraftlos, wurde erniedrigt und versucht, wurde von denen abgelehnt, zu denen er gesandt war. Aber trotz alledem triumphierte er durch seine Auferstehung über den Tod und schenkte vielen Menschen Hoffnung. Wir, seine Jünger und Erben, sollten, wenn wir auf das Kreuz sehen, ebenfalls daran denken, dass er uns in seiner großen Barmherzigkeit durch seinen Tod und seine Auferstehung aus der Zeit in die Ewigkeit aufgenommen hat. ■

Für die meisten Menschen ist der Tod ein Zustand, in dem es überhaupt keine Hoffnung gibt, aber für uns, die wir das Opfer Christi angenommen haben und von ihm gesegnet werden, gibt es Hoffnung

«Божье поле» на берегу Волковки

Анна Лисицына, краевед,
г. Санкт-Петербург

Anna Lisitsyna, Landeskundlerin,
St. Petersburg

Первое лютеранское кладбище в Петербурге было организовано вскоре после основания города и находилось на острове Корписаари (Аптекаарском). Местность была глухой и опасной, могилы разорялись разбойниками, и иноверцы пользовались кладбищем неохотно, предпочитая хоронить близких при собственных домах.

С ростом числа иностранцев потребность в безопасном участке для захоронений ощущалась всё острее, и в 1715 году было выделено место для нового иноверческого кладбища близ Сампсониевской церкви на Выборгской стороне. Хотя здесь хоронили всех неправославных христиан, основные расходы по содержанию кладбища несла немецкая лютеранская община Адмиралтейского острова, известная нам сегодня как община Св. Петра. Кладбище было достаточно благоустроенным, но удаленным и труднодоступным.

Захоронение пастора
Штирена (фото автора)

Grabstätte des Pastors
Stieren (fotografiert
von der Verfasserin)

В условиях петербургского климата, бездорожья и трудностей с переправой через Неву обычай, по которому духовные лица должны были сопровождать усопших до места погребения, стоил здоровья и даже жизни многим пасторам, и в 1762 году конвент Петрикирхе отменил эту традицию.

В 1748 году было основано Смоленское лютеранское кладбище, предназначавшееся для «чужестранных обывателей» Васильевского острова, в основном прихожан немецкой церкви Св. Екатерины. Община Св. Петра тем временем пыталась получить место под собственное кладбище в удобном для себя месте на левом берегу Невы, но безуспешно. Когда же в 1772 году захоронения на Сампсониевском кладбище были запрещены, конвент Петрикирхе вновь обратился к властям, и вскоре под новое иноверческое кладбище был выделен участок у Волковой деревни, напротив православного участка.

По договоренности Петрикирхе с представителями других евангелическо-лютеранских, а также реформатских и католических церквей было определено, что кладбище будет находиться в ведении общины Св. Петра, но хоронить своих покойных здесь могут все указанные общины. Места погребения имели разную цену в зависимости от местоположения. Первое захоронение состоялось 30 мая 1773 года. По имени усопшего, купца И. Г. Бретфельда, кладбище долго именовалось «Бретфельдовым» («Бретфельдским»), а не Волковским, как сегодня. Историческая надгробная плита впоследствии ушла в землю, но была найдена в 1990-х годах.

Содержание и благоустройство кладбища, его ограждение для защиты от волков и воров и различные ремонтные работы требовали немалых средств. Но попытки привлечь другие общины к участию в этих расходах чаще всего наталкивались на сопротивление, так что приведение в порядок зданий, каналов, дорог и мостов, равно как и уход за могилами обычно осуществлялись за счет Петрикирхе. Более того, со временем стало в порядке вещей и то, что община Св. Петра несла расходы по погребению неимущих не только своего, но и всех прочих названных приходов. С этим несправедливым обычаем, ложившимся тяжелым грузом на церковную кассу, было покончено в 1841 году.

Der „Gottesacker“ am Ufer der Wolkowka

Der erste lutherische Friedhof in St. Petersburg wurde gleich nach der Gründung der Stadt angelegt und befand sich auf der Insel Korpisaari (der heutigen Apothekeinsel). Die Gegend war wüst und gefährlich, und die Leichname wurden fast immer von Dieben ausgegraben und beraubt. Dies war die Ursache dafür, dass dieser Kirchhof nie sehr besucht wurde, und so begruben Andersgläubigen ihre Angehörigen auf ihren Höfen.

Da es bei der vermehrten Anzahl der Ausländer immer fühlbarer notwendig wurde, einen sicheren Ort zum Beerdigen angewiesen zu bekommen, wurde den Angehörigen der fremden Bekenntnisse im Jahre 1715 nahe der Sampsoni-Kirche auf der Wiborger Seite ein neuer Friedhof eingeräumt. Der Platz war für alle Christen vorgesehen, die nicht der russisch-orthodoxen Kirche angehörten. Jedoch bestritt die deutsche lutherische Gemeinde der Admiralitätsinsel (spätere St. Petri-gemeinde) die Hauptkosten für die Unterhaltung dieses Friedhofes. Der Friedhof war recht gut eingerichtet, aber weit weg und schwer zugänglich.

Bei übler Witterung, schlechten ungepflasterten Wegen und der beschwerlichen Überfahrt über die Newa brachte die Sitte der Leichenbegleitung große Probleme mit sich, weil sie für die Gesundheit der Pastoren viele Gefahren, ja bei einigen den Tod verursacht hatte. 1762 wurde dieser Brauch vom Konvent der Petrikerkirche abgeschafft.

1748 wurde der lutherische Smolenski-Friedhof für fremde Einwohner der Wassili-Insel, vorzugsweise Mitglieder der deutschen St. Katharinengemeinde, angelegt. Inzwischen reichte die St. Petri-gemeinde wiederholt Bittschriften ein, ihr einen neuen Platz als Begräbnisplatz am linken Ufer der Newa einzuräumen, was jedoch abgeschlagen wurde. Als 1772 das Beerdigen auf dem Sampsoni-Kirchhof verboten wurde, kam der Petrikonvent aufs Neue mit der Bitte um einen Begräbnisplatz ein, und in kurzer Zeit wurde ein Landstück für einen Friedhof der Andersgläubigen zur Verfügung gestellt – in der Nähe des Dorfes Wolkowo, gegenüber dem russisch-orthodoxen Teil.

Laut Absprache der Petrikerkirche mit Vertretern anderer evangelisch-lutherischer sowie reformierter und katholischer Kirchen wurde festgelegt,

dass die Disposition des neuen Gottesackers bei der Gemeinde der St. Petri-Kirche blieb, aber alle genannten Gemeinden ihre Toten auf diesem Gottesacker begraben durften. Die Grabstätten hatten unterschiedliche Preise in Abhängigkeit von ihrer Lage. Am 30. Mai 1773 fand die erste Beerdigung statt. Nach dem Namen des Verstorbenen, des Kaufmanns J. G. Brethfeld, wurde der Wolkowo-Friedhof lange „Bredtfeld's Ruhe“ oder „der Brethfeldsche Gottesacker“ genannt. Im Laufe der Zeit sank die historische Grabplatte stark in die Erde ein, aber in den 1990er-Jahren ist es gelungen sie wieder aufzufinden.

Die Unterhaltung und Verbesserung des neuen Friedhofes, die Umzäunung zum Schutz vor Wölfen und Dieben, Reparaturarbeiten usw., erforderten nicht geringe Ausgaben. Der Petrikonvent versuchte die anderen ausländischen Gemeinden zur Beteiligung an diesen Kosten heranzuziehen, erhielt aber meistens ablehnende Antworten.

Скульптура Христа на семейном месте баронов фон Остен-Дризен чудом сохранилась за годы советской власти (фото автора)

Die Jesus-Statue auf dem Familiengrab der Barone von der Osten-Driessen ist in den Jahren der Sowjetmacht wie durch ein Wunder erhalten geblieben (fotografiert von der Verfasserin)

Ворота Волковского лютеранского кладбища с надписью на немецком языке «Я есмь воскресение и жизнь» (не сохранились)

Das Wolkow-Friedhofstor mit der Inschrift „Ich bin die Auferstehung und das Leben...“ (nicht erhalten)

→ К концу XVIII века площадь кладбища составляла почти 7 га. В 1833 и 1859 годах удалось приобрести дополнительные участки, что увеличило территорию более чем в два раза. В 1863 году был принят устав, вводивший деление кладбища на три части (А, В и С). В старейшей части (А) отныне отводились участки только для семейных захоронений. С 1865 года церковный совет начал принимать взносы на «вечный уход» за могилами, что включало поддержание в порядке надгробия, высадку цветов и т.д. Современники вспоминали, что кладбище имело вид «сада цветущего».

Перед тем как проводить усопшего до могилы, совершалось его отпевание в церкви соответствующей конфессии. В лютеранских храмах гроб обычно ставился на возвышенное место перед алтарем, и пастор произносил речь. При торжественных погребениях могла читаться проповедь с кафедры на тему какой-либо притчи. Церемония сопровождалась «печальным пением» и «музыкою на органах».

Похоронная процессия сопровождает гроб с телом варшавского генерал-губернатора Георгия Скалона после его отпевания в церкви Св. Петра (1914)

Die Beerdigungsprozession begleitet den Sarg mit dem Leichnam des Warschauer Generalgouverneurs Georgij Scalon nach der Trauerfeier in der St. Petrikerche (1914)

Петрикирхе как крупнейшая лютеранская церковь города располагала внушительным набором траурного инвентаря, включая черные покровы для алтаря, кафедры и скамей, катафалки, черные попоны для лошадей и т.д. Размах церемонии (освещение и объем траурного убранства зала, наличие колокольного звона) зависел от пожеланий и материального достатка родственников усопшего. Действовала четкая система тарифов с делением по «степеням» траура.

Во второй половине XIX века Волковское лютеранское кладбище благоустраивалось стараниями специально созданного церковным советом комитета. В 1879 году освятили часовню, сооруженную по проекту И. Вольфа. На территории также имелся дом смотрителя, служебные постройки, оранжерея. В 1900 году по проекту Е. Гельмана были построены нарядные ворота с надписью из Евангелия: «Я есмь воскресение и жизнь».

Последний приют на этом кладбище нашли президенты церковного совета Петрикирхе Ф. фон Аделунг и Г. фон Лерхе, а также старшина церкви часовой мастер И. А. Дитмар. Надгробие последнего примечательно стихотворной эпитафией и изображением часов, стрелки которых показывают, вероятно, время кончины. Из духовных лиц тут покоятся пасторы Петрикирхе Гамельман, Таубенгейм и Штирен и пастор церкви Евангелической больницы Т. Лисс (чей сын служил в Петрикирхе органистом).

Здесь также похоронены представители бюрократической и военной элиты России (бароны фон дер Остен-Сакен, фон дер Остен-Дризен, граф Дибич-Забалканский), известные купцы, банкиры, врачи (К. Раухфус), архитекторы (А. Пель, Г. Цолликофер, А. и Ц. Кавосы), литераторы (А. Востоков, Н. Греч) и другие выдающиеся деятели (например, легендарная «кавалерист-девица» Л. Кессених).

В советское время многие надгробия были уничтожены или заброшены, а постройки разобраны. Часть художественных памятников перенесли в музейные некрополи, иногда без перезахоронения. Среди них – знаменитое надгробие И. Рейсига. Необычность композиции (саркофаг с фигурой спящего офицера) породила легенду о том, что якобы однажды находившийся в дворцовом карауле Рейсиг заснул на посту. Проходивший мимо Николай I разбудил гвардейца, и тот тут же скончался от разрыва сердца.

Несмотря на многочисленные утраты Волковского кладбища, в 1990-е годы энтузиастам удалось найти ряд уцелевших под дерном памятников и установить места захоронения исторических деятелей, чьи надгробия не сохранились. Это позволяет если не восстановить надгробие, то хотя бы поставить памятный крест. Работа в этом направлении продолжается. Кладбище ждет всех неравнодушных, готовых ухаживать за могилами, участвовать в реставрации и выявлении захоронений. Это вопрос нашей памяти и уважения к истории. ■

So war derselbe für die Instandhaltung der Gebäude, Kanäle, Wege, Brücken und Grabplätze auf seine Mittel angewiesen. Mit der Zeit hatte sich der Brauch eingebürgert, dass der Petrikerche auch das Tragen der Kosten für die Beerdigung von Armenleichen der übrigen Gemeinden überlassen wurde. 1841 wurde diese ebenso bedeutende wie unbillige Belastung der Petrigemeinde endgültig beseitigt.

Am Ende des 18. Jahrhunderts betrug das Friedhofsterritorium etwa 7 ha. In den Jahren 1833 und 1859 gelang es, neue Landstücke anzukaufen, wodurch die Fläche des Friedhofes sich mehr als verdoppelte. Im Jahre 1863 wurde das Reglement angenommen, nach dem der Friedhof in drei Hauptabteilungen (A, B, C) gegliedert wurde. Auf dem ältesten Teil des Friedhofs (A) sollten von nun an bloß Familienplätze vergeben werden. Seit dem Jahre 1865 waren dem Petri-Kirchenrat Kapitalien übergeben worden, die Grabplätze "für alle Zeiten" in Ordnung zu erhalten. Dies bedeutete die beständige Instandhaltung, sowie die Schmückung der Plätze mit Blumen. Zeitgenossen erinnerten sich daran, dass der Friedhof wie ein „blühender Garten“ aussah.

Bevor man den Verstorbenen zum Grab begleitete, wurde seine Trauerfeier in der Kirche der entsprechenden Konfession abgehalten. In lutherischen Kirchen wurde der Sarg normalerweise an einer erhöhten Stelle vor dem Altar aufgebahrt, und der Pastor hielt eine Rede. Bei feierlichen Beerdigungen konnte eine Predigt von der Kanzel zum Thema irgendeines Gleichnisses gehalten werden. Die Zeremonie wurde von „Trauergesang“ und „Orgelmusik“ begleitet.

Die Petrikerche als größte lutherische Kirche der Stadt verfügte über eine beeindruckende Auswahl an Trauerinventar, hierunter: Altar-, Kanzel- und Banküberzüge, Pferdedecken, Leichenwagen, etc. Die Ausmaße der Zeremonie (Trauerdekoration und Beleuchtung des Kirchensaals, das Glockenläuten) hingen von den Wünschen und dem materiellen Wohlstand der Angehörigen des Verstorbenen ab. Es gab ein festes Tarifsystem für die verschiedenen „Stufen“ der Trauer bei Begräbnissen.

In der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts wurde vom St. Petrikerchenrat ein besonderes Komitee gewählt, das sich um Säuberung und Verschönerung des Friedhofes bemühte. Im Jahre 1878 wurde die Friedhofskapelle eingeweiht, welche nach dem Plan des Architekten J. Wolf erbaut worden war. Auf dem Grundstück befand sich auch das Wohnhaus des Friedhofsaufsehers, Nebenbauten und ein Treibhaus. Im Jahre 1900 wurde die zierliche Friedhofspforte nach der Zeichnung des Architekten E. Hellmann errichtet, welche das Heilandswort „Ich bin die Auferstehung und das Leben...“ trug.

Auf dem Wolkowo-Friedhof fanden die Präsidenten des St. Petrikerchenrats F. von Adelung und G. von Lerche sowie der Kirchenälteste Uhrmacher I. A. Dittmar die letzte Ruhestätte. Der Grabstein des Letzteren fällt durch sein Epitaph in Gedichtform und die Abbildung einer Uhr auf, deren Zeiger vermutlich die Zeit seines Hinscheidens anzeigen. Geistliche, die hier ruhen, sind die Pastoren

Hammelmann, Taubenheim und Stieren aus der Petrikerche und Pastor T. Liss aus dem Evangelischen Krankenhaus (dessen Sohn in der Petrikerche Organist war).

Hier sind auch Vertreter der Verwaltungs- und Militärelite Russlands (Barone von der Osten-Driesen und von der Osten-Sacken, Graf von Diebitsch-Sabalkanski), bekannte Kaufleute, Bankiers, Ärzte (K. Rauchfuß), Architekten (A. Poehl, G. Zollikofer, A. und C. Cavos), Schriftsteller (A. Wostokow, N. Gretsch) sowie andere bedeutende Persönlichkeiten (z.B., die legendäre Kavalleristin L. Grafemus-Kessenich) beigesetzt.

Zu Sowjetzeiten begannen die Grabsteine zu verfallen, wurden teilweise zerstört, und die Gebäude abgetragen. Manche Grabsteine bedeutender Persönlichkeiten oder solche von künstlerischem Interesse wurden auf die Museums-Nekropole umgesetzt (entweder mit oder ohne Umbettung der Gebeine). Darunter das berühmte Grabmal von J. Reissig. Die ungewöhnliche Komposition (ein Sarkophag mit der Figur des schlafenden Offiziers) führte zur Legende, Reissig sei einmal bei der Hofwache auf seinem Posten eingeschlafen. Der vorbeikommende Nikolaus I habe den Gardisten geweckt, und dieser sei sofort an einer Herzsruptur gestorben.

Trotz aller Verluste ist es den Bemühungen der Enthusiasten gelungen, in den 1990er-Jahren eine Reihe von versunkenen und überwucherten Grabsteinen wieder aufzufinden und historische Denkmäler, die heute nicht mehr existieren, zu lokalisieren. Dies ermöglicht es, wenn nicht den Grabstein wiederherzustellen, so doch ein Gedenkkreuz zu errichten. Die dahingehenden Arbeiten laufen weiter. Der Friedhof wartet auf alle Engagierten, die bereit sind, Gräber zu pflegen oder bei der Restaurierung und Sichtbarmachung von Grabstätten mitzuarbeiten. Es ist eine Frage unseres Gedächtnisses und unserer Achtung vor der Geschichte. ■

Надгробная плита на могиле купца Бретфельда (дореволюционный снимок)

Grabplatte des Kaufmanns Brethfeld (Aufnahme aus der Zeit vor der Revolution)

Надгробие И. Рейсига на Волковском кладбище (ныне на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры)

Grabmal von J. Reissig auf dem Wolkowo-Friedhof (jetzt auf dem Lazarus-Friedhof am Alexander-Newski Kloster)

Украшаем свечи в технике декупаж

Свеча – хороший подарок практически к любому церковному празднику или событию – на Пасху, Рождество, Крещение или конфирмацию, венчание и т.д. С помощью популярной сегодня техники декупаж ты можешь придумать интересное тематическое украшение для такого подарка.

Тебе понадобятся: толстые белые (или светлые других цветов) свечи; многослойные салфетки с рисунком; фен; линейка; ножницы; кисточка; нож для бумаги. Также можно использовать белые салфетки, на которых с помощью лазерного принтера ты распечатаешь любой желаемый рисунок. (Красиво смотрятся не только яркие рисунки, но и черно-белые, к примеру, книжные или газетные тексты или ноты).

Отдели верхний слой салфетки от остальных и плотной прижми салфетку к свече рисунком вверх. Включи фен на самый мощный режим, дай несколько секунд ему прогреться. Потом струю горячего воздуха направь на свечу. Старайся удерживать свечу, не выпуская ее из рук. Направь фен непосредственно на салфетку. Медленно перемещай ее по поверхности свечи. Только осторожно, чтобы не обжечь во время работы руки!

Держи свечу до тех пор, пока бумага не прилипнет. По возможности, прижимай салфетку пальцами, стараясь ее фиксировать. Свеча начнет плавиться от нагревания феном. Воск будет нагреваться и пропитывать салфетку. Кисточкой разглаживай сразу же любые морщинки, которые будут возникать по ходу работы.

После того, как ты пройдешься по всей свече, проверь тщательно, что салфетка приклеилась. Если видишь, что какие-то места остались пропущенными, то повтори процесс. У основания свечи слегка надрежь салфетку, чтобы было удобно загнуть кончики. Нагрей основание с помощью фена и закрепи края. Возьми нож для бумаги и аккуратно обрежь остатки салфетки со стороны фитиля. Если они будут отходить, то надо снова в этих местах нагреть свечу феном.

Наша свеча готова! Радостных праздников и оригинальных идей для изготовления подарков!

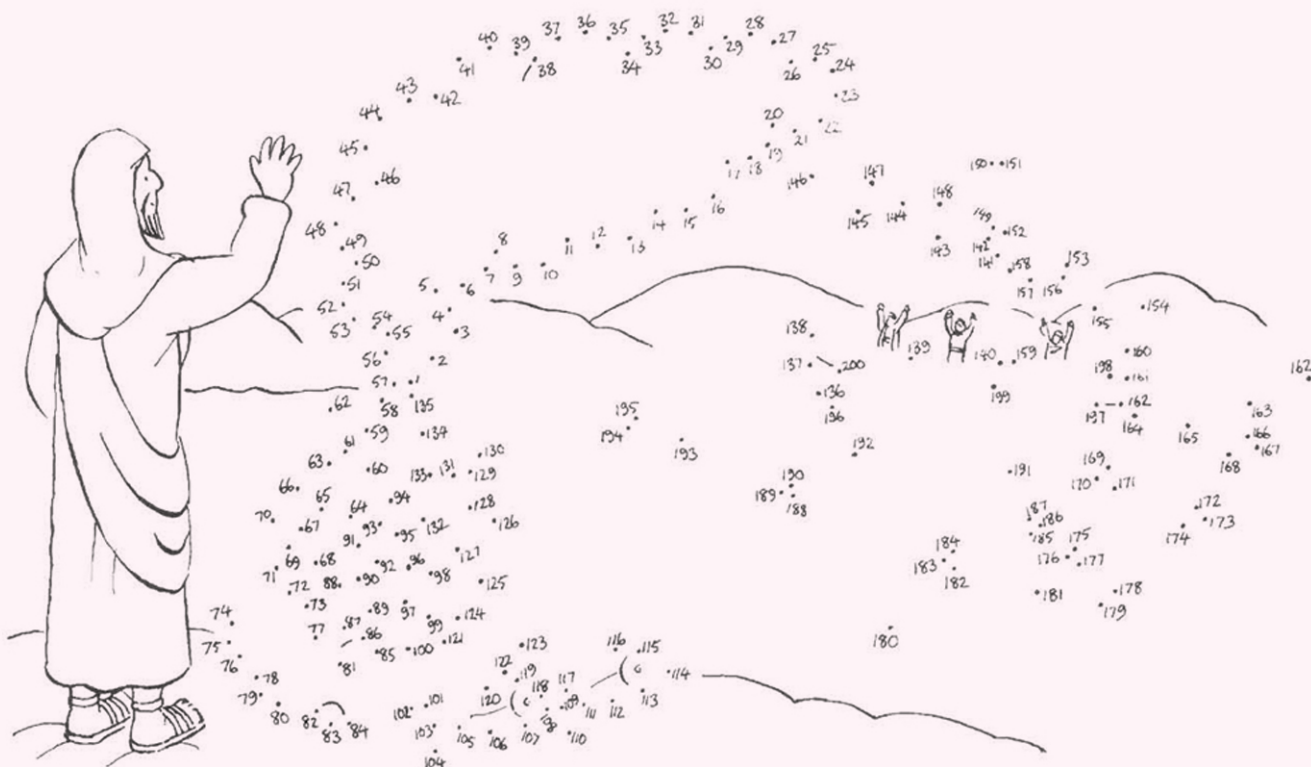

Благословение

Иди в пасхальное время с надеждой в сердце,
 Что Иисус живет и всегда пребывает с тобой.
 Пусть Он дарует тебе радостную жизнь,
 Пусть Его рука простирается над тобой
 В тяжелые минуты,
 Пусть Он сохранит тебя.
 Аминь.

Соедини точки

Соедини точки по порядку. Что здесь изображено? Прочитай в Евангелии от Иоанна (21, 1-14) о явлении Воскресшего Христа ученикам.

Без прошлого нет будущего

*Вера Музафарова, проповедница
общины св. Екатерины, г. Казань*

*Vera Musafarowa, Predigerin
der St. Katharinenengemeinde, Kasan*

Немецкое кладбище занимает часть Арского кладбища в Казани. В России в 1800 году император Павел I своим указом повелел: «... для погребения иноверцев кладбища отводить в городах близ кладбищ, при православных церквях находящихся». Тогда близ захоронений православных усопших на Арском кладбище появились конфессиональные участки лютеран, католиков, старообрядцев и иудеев. Из них первым появилось лютеранское кладбище. Этот участок был выделен одновременно с образованием Арского кладбища, и находится он рядом с православной церковью Ярославских чудотворцев.

Первые немцы прибыли в Казань вместе с Иваном Грозным при взятии Казани в 1552 году. Много пленных немцев появилось в Казани в результате Ливонской войны (1558-1582 гг.). Следующая волна немцев прибыла при Петре I и затем во времена правления Екатерины II. После открытия в Казани университета в 1804 году сюда приехало много профессоров из Германии: Карл Фукс, Иоганн Эрдман, Иоганн Браун (первый ректор Императорского Казанского университета), Генрих Бюнеман, Иоганн Нейман и др. Немецкие ученые работали во всех сферах, кроме богословия. Из 17 членов совета, выбиравших первого ректора, 14 были из Германии.

Большинство немцев, приехавших в Казань, были лютеранами. Екатерина Великая, посетив Казань в 1767 году, дала разрешение лютеранам

построить немецкую кирху, а мусульманам – мечеть. Кирха была построена на Покровской улице и освящена в 1771 году. В этом же году начала свою деятельность мечеть Марджани в Татарской слободе.

Немцы писали историю Казани не только в науке, в медицине и в музыке. Они украшали город на долгие годы, это архитекторы: Амлонг, Гартман, Крамп, Лиман, Мальте, Мюфке, Ней, Песке, Руш, Тон, Шмидт, отец и сын Спорису. Обессмертили свои имена химик-фармацевт Карл Клаус, директор первой музыкальной школы Рудольф Гуммерт, аптекари Кешнер и Бренинг, директор первой Казанской гимназии Генрих Крелленберг. Особой любовью в Казани среди татарского населения пользовался профессор терапии, патологии, клиники, естественной истории, врач, краевед, этнограф Карл Фукс...

С 1990 года, по инициативе активного прихожанина и директора Немецкого Дома Виктора Дица, каждый год летом наша община св. Екатерины осуществляет работы по благоустройству на немецком кладбище. Под нашим патронажем находится примерно 200 могил. На немецком участке Арского кладбища сохранились благодаря потомкам могилы семьи Бренингов, семьи Кешнеров, семьи Спорисусов. Установлена стела в память Карла Фукса, гранитный крест в память профессора Казанского университета Карла Бенинга.

28 августа, в День памяти жертв политических репрессий – в день скорби российских немцев – мы встречаемся у стелы Карла Фукса с цветами. Виктор Диц произносит речь от имени Немецкого Дома. Затем мы возлагаем на могилы цветы. После этого мы идем на семейную могилу Банков, где пастор проводит молитву. Вернувшись в кирху, за чаепитием мы делимся воспоминаниями.

Во время служения у нас пастора из Германии Кристиана Херрманна мне часто доводилось самой проводить богослужения, когда он отсутствовал. В том числе и погребения. Помню, как ушла из земной жизни наша прихожанка Ольга Арнольдовна Бренинг. Всю жизнь она работала в консерватории аккомпаниатором хора. И когда я провела обряд в квартире, в присутствии родственников и наших прихожан, мы спустились во двор дома Бренингов. Там нас ожидали студенты консерватории хорового отделения с профессором Алевтиной Булдаковой. Они прощались с Ольгой Бренинг немецкими хорами и православными песнопениями.

Любая проповедь при погребении – это Евангелие, это надежда и для того, кто уходит в другой мир, и для тех, кто остается здесь. А те, кто остается здесь, должны помнить, что без прошлого нет будущего. ■

С 1990 года каждый год летом наша община св. Екатерины осуществляет работы по благоустройству на немецком кладбище. Под нашим патронажем находится примерно 200 могил...

Seit 1990 veranstaltet unsere St. Katharinen-gemeinde jedes Jahr im Sommer eine Aufräumaktion auf dem deutschen Friedhof. Ungefähr 200 Gräber werden von uns betreut...

Ohne Vergangenheit keine Zukunft

Der Deutsche Friedhof nimmt einen Teil des Arsker Friedhofs in Kasan ein. Im Russland des Jahres 1800 verfügte Zar Paul I. durch einen Ukas: „...für die Beerdigung von Andersgläubigen sollen in den Städten Friedhöfe nahe den bei den orthodoxen Kirchen befindlichen Friedhöfen bereitgestellt werden“. Damals entstanden in der Nähe der Bestattungsorte orthodoxer Verstorbener auf dem Arsker Friedhof konfessionelle Parzellen für Lutheraner, Katholiken, Altgläubige und Juden. Als erster von ihnen entstand der lutherische Friedhof. Diese Parzelle wurde direkt bei der Einrichtung des Arsker Friedhofes zugewiesen und befindet sich neben der orthodoxen Jaroslawler-Wundertäter-Kirche.

Die ersten Deutschen kamen zusammen mit Iwan dem Schrecklichen bei der Eroberung von Kasan im Jahr 1552 in die Stadt. Viele deutsche Kriegsgefangene kamen durch den Livländischen Krieg (1558-1582) nach Kasan. Die nächste Welle von Deutschen kam unter Peter I., und dann in der Regierungszeit Katharinas II. Nach der Eröffnung der Universität in Kasan im Jahr 1804 kamen viele Professoren aus Deutschland hierher: Karl Fuchs, Johann Erdmann, Johann Braun (der erste Rektor der Kaiserlichen Universität Kasan), Heinrich Bühnemann, Johann Neumann und andere. Deutsche Wissenschaftler arbeiteten in allen Bereichen außer der Theologie. Von den 17 Ratsmitgliedern, die den ersten Rektor wählten, kamen 14 aus Deutschland.

Die meisten Deutschen, die nach Kasan kamen, waren lutherisch. Katharina die Große gab den Lutheranern und den Muslimen bei ihrem Besuch in Kasan im Jahr 1767 die Erlaubnis, eine deutsche Kirche und eine muslimische Moschee zu bauen. Die Kirche wurde in der Pokrowskaja-Straße erbaut und 1771 eingeweiht. Im selben Jahr begann die Mardschani-Moschee im Tatarenviertel ihre Tätigkeit.

Deutsche schrieben Geschichte in Kasan, und das nicht nur in Wissenschaft, Medizin und Musik. Sie verschönerten die Stadt auch nachhaltig, und zwar die Architekten Amlong, Hartmann, Kramp, Liehmann, Malte, Müfke, Neu, Peske, Rush, Schmidt, Sporius Senior und Junior. Auch der Chemiker und Pharmazeut Karl Claus, der Direktor der ersten Musikschule Rudolf Gummert, die Apotheker Keschner und Brening, der Direktor des ersten Kasaner Gymnasiums Heinrich Krellenberg. Besonders beliebt bei der tatarischen Bevölkerung Kasans war Karl Fuchs, Professor für Allgemeinmedizin, Pathologie, klinische Medizin und Naturgeschichte, Arzt, Landeskundler und Ethnograph...

Seit 1990 veranstaltet unsere St. Katharinen-gemeinde auf Initiative von Viktor Dietz, dem aktiven Mitglied der Gemeinde und Direktor des Deutschen

Hauses, jedes Jahr im Sommer eine Aufräumaktion auf dem deutschen Friedhof. Ungefähr 200 Gräber werden von uns betreut. Auf der deutschen Parzelle des Arsker Friedhofs sind dank der Nachkommen die Gräber der Familien Brening, Keschner und Sporius erhalten geblieben. Es wurde eine Stele zum Gedenken an Karl Fuchs und ein Granitkreuz zum Gedenken an den Kasaner Universitätsprofessor Karl Brening errichtet.

Am 28. August, dem Gedenktag der Opfer der politischen Repressalien, dem Trauertag der Russlanddeutschen, treffen wir uns mit Blumen an der Karl-Fuchs-Stele. Viktor Dietz hält eine Rede im Namen des Deutschen Hauses. Danach legen wir auf den Gräbern Blumen nieder. Dann gehen wir zum Grab der Familie Bank, wo der Pastor eine Andacht hält. Wieder in der Kirche angekommen, trinken wir Tee und tauschen unsere Erinnerungen aus.

Während Pastor Christian Herrmann aus Deutschland bei uns Dienst tat, hatte ich häufig selber Gottesdienste zu halten, wenn er nicht da war. Darunter auch Beerdigungen. Ich erinnere mich, wie Olga Brening aus unserer Gemeinde von uns ging. Ihr ganzes Leben lang hatte sie am Konservatorium als Chorbegleiterin gearbeitet. Und als ich in Anwesenheit ihrer Verwandten und unserer Gemeindemitglieder den Ritus in der Wohnung abgehalten hatte, gingen wir zusammen in den Hof des Hauses Brening hinunter. Dort erwarteten uns Studenten der Chorabteilung des Konservatoriums mit Professorin Alevtina Buldakowa. Sie nahmen mit deutschen Kirchenliedern und orthodoxen Gesängen Abschied von Olga Brening.

Jede Bestattungspredigt ist Evangelium, Hoffnung sowohl für den, der in eine andere Welt geht, als auch für die, die hier zurückbleiben. Und diejenigen, die bleiben, müssen sich daran erinnern, dass es ohne Vergangenheit keine Zukunft gibt. ■

28 августа, в День памяти жертв политических репрессий – в день скорби российских немцев, мы встречаемся у стелы Карла Фукса с цветами...

Am 28. August, dem Gedenktag der Opfer der politischen Repressalien, dem Trauertag der Russlanddeutschen, treffen wir uns mit Blumen an der Karl-Fuchs-Stele...

«До свидания!»

Немецкое кладбище в грузинском селе

Елена Дякива, редактор журнала «Вестник», г. Санкт-Петербург

Elena Djakiwa, Redakteurin der Zeitschrift „Der Bote“, St. Petersburg

200

лет назад на территорию сегодняшней Грузии в ожидании «скорого» второго пришествия Иисуса Христа прибыли швабские переселенцы. С собой они принесли свою культуру, обычаи и глубокую веру. Одним из основанных ими поселений стала колония Елизаветаль, лежащая сегодня примерно в 30 км к юго-западу от Тбилиси. Своим именем, которое переводится «долина Елизаветы», она обязана небесной покровительнице, день памяти которой – 19 ноября – совпал с днем основания колонии в 1818 году.

Более ста лет просуществовало это поселение, как и другие немецкие колонии на территории Грузии и всей бывшей Российской империи. Как известно, в 1941 году этнические немцы были насильственно выселены с территории европейской России и Закавказья в Сибирь и Казахстан. Жители колонии Елизаветаль, переименованной в 1921 году в Асурети, должны были

покинуть родную деревню в кратчайший срок.

Так, в одночасье, там смолкла немецкая речь, еще раньше, в 1930-е годы, умолк колокол на местной кирхе, а крест на ее шпиле заменила пятиконечная звезда.

Сегодня, по прошествии многих десятилетий, в грузинском селе Асурети о жизни швабских поселенцев напоминают обветшавшие фахверковые дома, опустошенное здание кирхи и старое немецкое кладбище.

Войдя на его территорию, первым делом, вы увидите площадку, по краям которой полукругом выстроились надгробные памятники, а в центре расположена большая гранитная плита в форме креста. Этот мемориал в память о предках был установлен в 2001 году по инициативе тогдашнего епископа Евангелическо-Лютеранской Церкви в Грузии (ЕЛЦГ) Герта Хуммеля. В работах принимала участие молодежь Церкви и школьники из гимназии немецкого города Хомбурга.

Заботе о старых лютеранских кладбищах в ЕЛЦГ уже много лет уделяется особое внимание. Помимо Асурети, это еще и некрополи в Тамариси (Траубенберг) и Сартичала (Мариенфельд / Петерсдорф). На очереди кладбище в Триалети (Розенберг) и в селе Калинино близ Гардабани. Особым образом сложилась судьба лютеранского кладбища в грузинской столице: на его территории сегодня стоит главный храм ЕЛЦГ – церковь Примирения с комплексом прилегающих зданий...

На кладбище в Асурети минимум два раза в год проводятся работы по благоустройству, которыми занимаются мужчины из тбилисской церкви Примирения под руководством коменданта. В октябре 2014 года к этим мероприятиям вновь подключились ученики гимназии из Хомбурга, которые во время своего визита в Грузию вместе со школьниками из Тбилиси и молодежью тбилисской общины посвятили три дня работам на старом кладбище. Несколько раз в год здесь проходят молебны с участием пасторов Церкви и прихожан, в том числе, и молодежи.

Те, кто лежит под этими могильными плитами, унесли с собой целый мир, исчезнувший навсегда. О многом хотелось бы их расспросить!

Мемориал в память о предках был установлен в 2001 году по инициативе тогдашнего епископа Евангелическо-Лютеранской Церкви в Грузии (ЕЛЦГ) Герта Хуммеля...

Dieses Denkmal für die Vorfahren wurde 2001 auf Initiative des damaligen Bischofs der Evangelisch-Lutherischen Kirche in Georgien (ELKG) Gert Hummel errichtet...

„Auf Wiedersehen!“

Deutscher Friedhof im georgischen Dorf

Vor 200 Jahren kamen schwäbische Übersiedler in der Erwartung der „baldigen“ Wiederkunft Jesu Christi in das Gebiet des heutigen Georgiens. Sie brachten ihre Kultur, ihre Sitten und einen tiefen Glauben mit. Eine der von ihnen gegründeten Siedlungen war die Kolonie Elisabeththal, die heute ungefähr 30 km südwestlich von Tbilissi liegt. Ihren Namen verdankt sie ihrer himmlischen Patronin, deren Gedenktag – der 19. November – mit dem Gründungstag der Kolonie im Jahr 1818 zusammenfiel.

Über hundert Jahre lang existierte diese Siedlung, wie auch andere deutsche Kolonien auf dem Gebiet Georgiens und des ganzen ehemaligen Russischen Reiches. Wie wir wissen, wurden 1941 die Deutschstämmigen gewaltsam vom Gebiet des europäischen Russlands und Transkaukasiens nach Sibirien und Kasachstan umgesiedelt. Die Bewohner der 1921 in „Assureti“ umbenannten Kolonie Elisabeththal mussten ihr Heimatdorf in größter Eile verlassen.

So verstummte dort auf einen Schlag die deutsche Sprache; schon früher, in den 1930er Jahren, war die Glocke auf der örtlichen Kirche verstummt, und den Platz des Kreuzes auf ihrer Turmspitze hatte ein fünfstrahliger Stern eingenommen.

Heute, viele Jahrzehnte später, erinnern verfallene Fachwerkhäuser, das verwüstete Kirchengebäude und der alte deutsche Friedhof im georgischen Dorf Assureti an das Leben der schwäbischen Siedler.

Wenn Sie den Friedhof betreten, sehen Sie als erstes einen Platz, um den herum Grabsteine angeordnet sind, und in der Mitte liegt eine große Granitplatte in Kreuzform. Dieses Denkmal für die Vorfahren wurde 2001 auf Initiative des damaligen Bischofs der Evangelisch-Lutherischen Kirche in Georgien (ELKG) Gert Hummel errichtet. An den Arbeiten nahmen Jugendliche aus der Kirche und Schüler aus einem Gymnasium der deutschen Stadt Homburg teil.

Die Sorge für die alten lutherischen Friedhöfe in der ELKG wird schon viele Jahre lang sehr ernst genommen. Außer Assureti gehören dazu die Nekropolen in Tamarissi (Traubenberg) und Sartitschala (Marienfeld / Petersdorf). Auf der Warteliste steht der Friedhof in Trialeti (Rosenberg) und der im Dorf Kalinino bei Gardabani. Ein besonderes Schicksal

hatte der Friedhof in der georgischen Hauptstadt: auf seinem Grundstück steht heute die Hauptkirche der ELKG: die Versöhnungskirche mit einem Komplex an Nebengebäuden ...

Auf dem Friedhof in Assureti werden mindestens zweimal im Jahr Unterhaltungsarbeiten durchgeführt, und zwar von Männern aus der Versöhnungskirche in Tbilissi unter der Leitung des Hausmeisters. Im Oktober 2014 schlossen sich erneut Schüler des Gymnasiums aus Homburg an, welche den Arbeiten auf dem alten Friedhof während ihres Besuches in Georgien zusammen mit Schülern aus Tbilissi und Jugendlichen aus der Gemeinde Tbilissi drei Tage widmeten. Ein paarmal im Jahr finden hier Andachten unter Teilnahme von Pastoren und Gemeindegliedern, auch Jugendlichen, der Kirche statt.

Die Menschen, die unter diesen Grabplatten liegen, haben eine ganze Welt mit fortgenommen, die für immer verschwunden ist. Vieles würde man sie gerne fragen! Wir können heute nicht mehr mit

Фигура обрубленного дерева без кроны – в такой оригинальной форме выполнен ряд надгробий...

In der originellen Form eines abgehackten Baumes ohne Krone ist eine Reihe von Grabsteinen gestaltet...

На ряде надгробий можно увидеть виноградную лозу – один из самых известных образов христианской культуры...

Auf einer Reihe von Grabsteinen ist eine Weinrebe zu sehen – eines der bekanntesten Bilder der christlichen Kultur...

Мы не можем сегодня поговорить с ними. Но с нами могут говорить их камни. Давайте посмотрим в надписи и символы.

“Hier ruht in Frieden...” или “Hier ruht in Gott...” («Здесь покоится с миром...» или «Здесь покоится в Боге...») – с этих слов начинается большинство эпитафий. Затем идут имена: Karl Daniel Sauer, Sophie Kaiser, Dorothea Schlecht, Johannes Schlecht, Elsa Kurtz, Johan Adam Köpple..., даты рождения и смерти.

Но это еще не всё. Эпитафии говорят нам о большем, чем просто об анкетных данных. Они воссоздают перед нами картину мира определенного сообщества и, как правило, поскольку ритуальная культура соприкасается со сферой сакрального, рассказывают о его религиозных представлениях – вере, отношении к земной жизни и видении посмертного существования, эсхатологических ожиданиях.

Какими словами провожали в последний путь своих усопших жители швабской колонии Елизаветаль? С какой надеждой уходили из жизни эти люди? „Herr, ich warte auf dein Heil!“ («Господи, я ожидаю Твоего спасения!») – начертано на одном из камней. „Selig sind die, die im Herrn sterben“ («Блаженны те, которые умирают в Господе») – этими словами завершается эпитафия на другом. Иногда прощальные благословения совсем коротки: „Ruhe sanft“ («Пусть земля будет пухом») или „Ruhe in Frieden“ («Покойся с миром»), а иногда разрастаются в целую стихотворную строфу: „Im

Пальмовые ветви у основания креста – такой образ символизирует победу над смертью и в христианском контексте отсылает нас к воскресенью Palmarum...

Palmenzweige am Fuß des Kreuzes symbolisieren den Sieg über den Tod und weisen uns im christlichen Kontext auf den Palmsonntag hin...

Grab ist Ruh, / auf Erden bitter Schmerz, / drum ruhe sanft, / du treu geliebte Herz“ («В могиле – покой, на земле – горечь и боль, поэтому покойся с миром, ненаглядное сердце»). „Wer lange lebt, / bleibt lang im Leide. / Wer in Ruhe stirbt, / kommt bald zur Freude“ («Кто долго живет, тот долго пребывает в страдании. Кто умирает с миром, скоро достигнет радости») – на могиле ребенка.

Говорить можно не только словами, но и символами. Очень часто на надгробиях в Асурети встречается изящное изображение лилии. Она является символом христианской чистоты и непорочности, а также – воскресения. Другой популярный мотив – это якорь, который часто скомбинирован с распятием. Этот древнехристианский символ обозначает, что человек твердо держался веры и основывал свою жизнь на учении Церкви.

На ряде надгробий можно увидеть виноградную лозу – один из самых известных образов христианской культуры, символ причастности к Церкви («Я есмь лоза, а вы ветви» (Ин. 15,5)) и евхаристической жертвы. А вот пальмовые ветви у основания креста – такой образ символизирует победу – победу над смертью и вечность – и в христианском контексте отсылает нас к воскресенью Palmarum.

О вечности напоминает и фигура обрубленного дерева без кроны – в такой оригинальной форме выполнен ряд надгробий. Годичный круг жизни дерева может символизировать жизнь человека. Можно предположить, что фигура обрубленного дерева указывает нам на то, что она прерывается смертью. В то же время, ежегодное появление новых листьев ассоциируется с постоянным обновлением жизни – бессмертием. А вот изображение тюльпана, особенно изящное и наиболее запоминающееся среди других символов на этом некрополе, напротив, обозначает быстротечность земной жизни, а также любовь и красоту.

Чем внимательнее всматриваешься в эти надгробия, тем отчетливее понимаешь, какое утешение давала этим людям их вера. Смерть перестает быть пугающей, она наполнена светом и надеждой.

«Почему мы – Евангелическо-Лютеранская Церковь в Грузии – делаем это? Ведь наша вера занимает скорее критическую позицию по отношению к кладбищам, – объясняет епископ ЕЛЦГ в отставке Ханс-Иоахим Кидерлен заботу о старых кладбищах. – Для нас в Грузии и на Южном Кавказе как для верующих важно, чтобы мы видели себя в рядах тех свидетелей веры, которые нам здесь предшествовали, которые многое перенесли за свою веру и верили в свое воскресение».

О твердой вере в воскресение говорят и следующие надписи на надгробиях: „Hier schlummert...“ («Здесь дремлет...») – в начале одной из эпитафий и простое, но емкое „Auf Wiedersehen!“ («До свидания!») – в конце другой. ■

О твердой вере в воскресение говорят и следующие надписи на надгробиях: „Hier schlummert...“ («Здесь дремлет...») – в начале одной из эпитафий и простое, но емкое „Auf Wiedersehen!“ («До свидания!») – в конце другой. ■

О твердой вере в воскресение говорят и следующие надписи на надгробиях: „Hier schlummert...“ («Здесь дремлет...») – в начале одной из эпитафий и простое, но емкое „Auf Wiedersehen!“ («До свидания!») – в конце другой. ■

ihnen sprechen. Aber ihre Steine können mit uns sprechen. Sehen wir uns die Inschriften und Symbole genau an.

„Hier ruht in Frieden...“ oder „Hier ruht in Gott...“ – mit diesen Worten beginnen die meisten Grabinschriften. Dann kommen die Namen: Karl Daniel Sauer, Sophie Kaiser, Dorothea Schlecht, Johannes Schlecht, Elsa Kurtz, Johan Adam Köpplé..., die Geburts- und Todesdaten.

Aber das ist noch nicht alles. Die Grabinschriften sagen uns mehr als nur statistische Daten. Sie lassen vor uns ein Bild der Welt einer bestimmten Gemeinschaft lebendig werden, und da die rituelle Kultur an die Sphäre des Sakralen grenzt, erzählen sie uns von den religiösen Vorstellungen dieser Gemeinschaft – vom Glauben, von der Einstellung zum irdischen Leben und von der Sicht auf die Existenz nach dem Tod, von eschatologischen Erwartungen.

Mit welchen Worten geleiteten die Einwohner der schwäbischen Kolonie Elisabeththal ihre Verstorbenen auf dem letzten Weg? Mit welcher Hoffnung gingen diese Menschen aus dem Leben? „Herr, ich warte auf dein Heil!“ steht auf einem der Steine. „Selig sind die, die im Herrn sterben“ – so schließt die Grabinschrift auf einem anderen. Manchmal ist der Abschiedssegens ganz kurz, wie diese: „Ruhe sanft“ oder „Ruhe in Frieden“, und manchmal wächst er sich zu einer ganzen Gedichtstrophe aus: „Im Grab ist Ruh, / auf Erden bitter Schmerz, / drum ruhe sanft, / du treu geliebtes Herz“. „Wer lange lebt, / bleibet lang im Leide. / Wer in Ruhe stirbt, / kommt bald zur Freude“ – auf dem Grabstein von einem Kind.

Sprechen kann man nicht nur durch Worte, sondern auch durch Symbole. Sehr oft findet man auf den Grabsteinen in Assureti grazile Abbildungen von Lilien. Die Lilie ist das Symbol christlicher Reinheit und Unbeflecktheit sowie der Auferstehung. Ein anderes Motiv, das hier beliebt ist, ist der Anker, der häufig mit dem Kreuz kombiniert wird. Dieses altchristliche Symbol bedeutet, dass der Mensch sich fest an den Glauben hielt und sein Leben auf die Lehre der Kirche gründete.

Auf einer Reihe von Grabsteinen ist eine Weinrebe zu sehen – eines der bekanntesten Bilder der christlichen Kultur, das Symbol der Zugehörigkeit zur Kirche („Ich bin der Weinstock, und ihr seid die Reben (Joh. 15,5)) und des eucharistischen Opfers. Palmenzweige am Fuß des Kreuzes symbolisieren den Sieg – den Sieg über den Tod und die Ewigkeit – und weisen uns im christlichen Kontext auf den Palmsonntag hin.

An die Ewigkeit erinnert auch die Form eines abgehackten Baumes ohne Krone – in dieser originellen Form ist eine Reihe von Grabsteinen gestaltet. Der jährliche Lebenskreis des Baumes kann das Leben des Menschen symbolisieren. Man kann annehmen, dass die Gestalt des abgehackten Baumes uns darauf hinweist, dass das Leben durch den Tod abgebrochen wird. Gleichzeitig wird das alljährliche Erscheinen neuer Blätter mit der ständigen Erneuerung des Lebens, der Unsterblichkeit, assoziiert.

Das Bild einer Tulpe dagegen, ein besonders graziles und das einprägsamste unter den anderen Symbolen in dieser Nekropole, bedeutet die Vergänglichkeit des irdischen Lebens sowie Liebe und Schönheit.

Je aufmerksamer man diese Grabsteine betrachtet, desto klarer begreift man, welchen Trost der Glaube diesen Menschen spendete. Der Tod hört auf, erschreckend zu sein, er ist erfüllt von Licht und Hoffnung.

„Warum machen wir – die Evangelisch-Lutherische Kirche in Georgien – das?

Unser Glaube nimmt ja eher eine kritische Haltung zu Friedhöfen ein, – erklärt der Bischof emeritus der ELKG Hans-Joachim Kiderlen die Sorge für die alten Friedhöfe. – Dennoch ist es für unser Leben als Glaubende in Georgien und im südlichen Kaukasus wichtig, dass wir uns in der Reihe der Glaubenszeugen sehen, die uns hier vorangegangen sind, viel auch für ihren Glauben ertragen haben und an ihre Auferstehung glaubten.“

Vom festen Glauben an die Auferstehung sprechen auch folgende Inschriften auf den Grabsteinen: „Hier schlummert...“ am Anfang einer der Grabinschriften und das einfache, aber viel-sagende „Auf Wiedersehen!“ am Schluss einer anderen. ■

«В могиле – покой, на земле – горечь и боль, поэтому покойся с миром, не-наглядное сердце»

„Im Grab ist Ruh, auf Erden bitter Schmerz, drum ruhe sanft, du treu geliebte Herz“

Изображение тюльпана обозначает быстротечность земной жизни, а также любовь и красоту...

Das Bild einer Tulpe bedeutet die Vergänglichkeit des irdischen Lebens sowie Liebe und Schönheit...

Очень часто на надгробиях в Асуреети встречается изящное изображение лилии. Другой популярный образ – это якорь, который часто скомбинирован с распятием...

Sehr oft findet man auf den Grabsteinen in Assureti grazile Abbildungen von Lilien. Ein anderes Motiv, das hier beliebt ist, ist der Anker, der häufig mit dem Kreuz kombiniert wird...

«Наша вера – это мост через смерть»

Пастор Елена
Курмышова

Pastorin Elena
Kurmyschowa

Быть рядом с человеком на пороге смерти – одна из задач церковного душепопечения. Пастор Елена Курмышова имеет большой опыт такого служения. С 2009 по 2014 год в Санкт-Петербурге вместе с представителями православной, католической, баптистской Церквей она как представитель лютеранской общины участвовала в экуменическом проекте душепопечения пациентов больниц с ВИЧ/СПИД.

С 2015 года после своей ординации Елена работает пастором в общине г. Гусева Калининградской обл. На новом месте ей также пригодился опыт диаконической работы. В течение некоторого времени она занималась душепопечением в Доме престарелых им. Карла Блюма. Он находится в пос. Задорожье Калининградской обл. и является одним из диаконических проектов Калининградского пропства Евангелическо-Лютеранской Церкви Европейской части России.

Мы беседуем с пастором Еленой Курмышовой о ее непрестом опыте работы с умирающими.

Психологическая помощь ограничивается ценностями этой жизни, а душепопечительская помощь – это взгляд в вечность. Это о преодолении смерти

Что побудило тебя участвовать в проекте душепопечения больных ВИЧ-СПИД?

С детства мне было это не чуждо. Меня учили помогать, ухаживать за больными. Начинала я с родственников. Моей обязанностью всегда было посещать их. Я помню, как сама лет в шесть отправилась в больницу к своей бабушке. Собрала ей тутовник в баночку и понесла. Я считала, что это моя обязанность. Мне так объяснили. Больных нужно посещать.

А ты росла в верующей семье?

Да, большинство родственников были верующими, а дедушка был пастором зарегистрированной баптистской общины.

Каким людям ты и твои коллеги оказывали помощь в Петербурге?

В основном это были молодые люди, которые заразились через употребление наркотиков – инъекционным путем. Другой контингент – это те, кто заразился половым путем. Среди них много женщин-домохозяек. Были и такие больные, которые долгое время жили с диагнозом, ничего не зная о нем. Узнали внезапно.

Часто ли среди них встречались такие, которые находились на пороге между жизнью и смертью?

Да, очень часто.

Что было для тебя самым трудным?

Самым трудным было видеть больных людей, совершенно безнадежных, как мне казалось в начале моего служения в больнице.

Что тебе приносила такая работа? Что тебя радовало?

Радовало, когда замечала, что наше служение востребовано, когда видела результаты своего труда, что больные получают через меня духовную помощь, понимают, о чем идет речь и что я хочу донести.

А что ты хотела донести до них?

Цель, с которой я приходила туда, – это душепопечение – забота о душе, это интерпретация жизни человека в свете Слова Божьего. В больнице, в трудных обстоятельствах, когда часто люди не чувствуют опоры и растеряны, очень важно бывает встретиться с человеком, который уделит тебе время, выслушает, возьмет за руку и помолится вместе. Они задавали вопросы, их вопросы часто были направлены логически правильно, и я видела в этом попытку молодых людей с другого ракурса взглянуть на свою жизнь.

А какие вопросы они задавали?

Любит ли меня Бог? Простит ли? Что я должен сделать для этого? Как мне дальше строить свою жизнь? О смерти и жизни, о любви и прощении, о Таинствах.

Какие места из Библии ты брала для чтения с твоими подопечными?

Первое, что приходит в голову, это, конечно, Псалом 22: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня». Или Евангелие от Иоанна 3,16: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную». Или вот еще приходит в голову «Я живу, и вы будете жить» из Иоанна 14,19. Еще можно читать о рождении в вечность, об обращении апостола Павла. Из Откровения: «И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже».

Наша вера – это мост через смерть, мост в вечность. Когда люди жаждут спасения – а Слово Божье – как стакан холодной воды, как вода из источника жизни – они сами хотят его слышать и знать, и «пить» эту «живую воду». «Жаждущему дам даром», именно жаждущему в этот момент открывается дверь ко спасению. И тогда чувствуется, что человек хочет услышать, и что мне нужно сказать в этот момент. Тогда идет общение от сердца к сердцу.

„Unser Glaube ist eine Brücke über den Tod“

Einem Menschen an der Schwelle des Todes beizustehen ist eine der Aufgaben der kirchlichen Seelsorge. Pastorin Elena Kurmyschowa hat viel Erfahrung mit diesem Dienst. Von 2009 bis 2014 arbeitete sie als Vertreterin der lutherischen Gemeinde in St. Petersburg zusammen mit Vertretern der orthodoxen, der katholischen und der baptistischen Kirche bei einem ökumenischen Seelsorgeprojekt für Krankenhauspatienten mit HIV/AIDS mit.

Seit 2015 arbeitet Elena nach ihrer Ordinerung als Pastorin in der Gemeinde der Stadt Gussew im Gebiet Kaliningrad. Am neuen Ort konnte sie ihre Erfahrungen in der diakonischen Arbeit auch gut gebrauchen. Einige Zeit betrieb sie Seelsorge im Carl-Blum-Seniorenheim. Es befindet sich in der Siedlung Sadoroschje im Gebiet Kaliningrad und ist eines der Diakonienprojekte der Propstei Kaliningrad der Evangelisch-Lutherischen Kirche Europäisches Russland.

Wir sprechen mit Pastorin Elena Kurmyschowa über ihre schwierigen Erfahrungen in der Arbeit mit Sterbenden.

Was hat dich dazu gebracht, an einem Seelsorgeprojekt für HIV/AIDS-Patienten teilzunehmen?

Das war mir von klein auf nicht fremd. Man hat mir beigebracht, zu helfen, Kranke zu pflegen. Ich begann bei meinen Verwandten. Es war immer meine Pflicht, sie zu besuchen. Ich erinnere mich, wie ich selber im Alter von ungefähr sechs Jahren ins Krankenhaus zu meiner Großmutter ging. Ich pflückte einen Becher Maulbeeren für sie und brachte sie hin. Ich war der Ansicht, das sei meine Pflicht. Mir war es so erklärt worden. Kranke muss man besuchen.

Bist du denn in einer gläubigen Familie aufgewachsen?

Ja. Die meisten Verwandten waren gläubig, und mein Großvater war Pastor einer registrierten Baptistengemeinde.

Was für Leuten hast du mit deinen Kollegen in St. Petersburg geholfen?

Hauptsächlich waren das junge Menschen, die sich durch Drogenspritzen angesteckt hatten. Ein anderes Kontingent sind die, die sich auf geschlechtlichem Weg angesteckt haben. Unter ihnen sind viele Hausfrauen. Es gab auch Patienten, die lange Zeit mit der Infektion gelebt hatten, ohne davon zu wissen. Sie haben es überraschend erfahren.

Kamen darunter häufig Menschen vor, die an der Schwelle zwischen Leben und Tod standen?

Ja, sehr oft.

Was war für dich das Schwerste?

Das schwerste war, kranke Menschen ohne jede Hoffnung zu sehen, wie es mir am Anfang meines Dienstes im Krankenhaus schien.

Was hat diese Arbeit dir gebracht? Was hat dich gefreut?

Es hat mich gefreut, wenn ich Verständnis sah, wenn ich bemerkte, dass unser Dienst gefragt ist, wenn ich die Ergebnisse meiner Bemühungen sah, dass die Kranken geistliche Hilfe durch mich bekamen und verstanden, worum es ging, was ich ihnen nahebringen wollte.

Und was wolltest du ihnen nahebringen?

Das Ziel, mit dem ich dorthin kam, war Seelsorge – Sorge für die Seele. Es ist die Interpretation des menschlichen Lebens im Licht des Wortes Gottes. Im Krankenhaus, unter schwierigen Umständen, wenn die Menschen häufig keinen Halt spüren und ratlos sind, ist es manchmal sehr wichtig, einem Menschen zu begegnen, der sich Zeit für einen nimmt, einem zuhört, einen an die Hand nimmt und zusammen betet. Sie stellten Fragen, ihre Fragen waren oft logisch richtig ausgerichtet, und ich sah darin den Versuch der jungen Menschen, ihr Leben einmal aus einem anderen Blickwinkel zu betrachten.

Und was für Fragen haben die Menschen gestellt?

Liebt Gott mich? Wird er mir vergeben? Was muss ich dafür tun? Wie soll ich mein weiteres Leben gestalten? Über Tod und Leben, über Liebe und Vergabung, über die Sakramente.

Welche Bibelstellen hast du zum Lesen mit den Menschen, die du betreut hast, ausgewählt?

Das erste, was einem einfällt, ist natürlich Psalm 23: „Und ob ich schon wandelte im Tal des Todesschattens, fürchte ich kein Unheil, denn du bist bei mir; dein Stecken und Stab trösten mich.“ Oder Johannes 3,16: „Denn also hat Gott die Welt geliebt, dass er seinen eingeborenen Sohn gab, damit alle, die an ihn glauben, nicht verloren werden, sondern das ewige Leben haben.“ Oder was mir noch einfällt: „Ich lebe, und ihr werdet auch leben“ aus Johannes 14,19. Außerdem kann man über Geburt und Ewigkeit lesen, über die Bekehrung des Apostels Paulus. Aus der Offenbarung: „Und Gott wird abwischen alle Tränen von ihren Augen, und der Tod wird nicht mehr sein.“

Unser Glaube ist eine Brücke über den Tod, eine Brücke in die Ewigkeit. Wenn Menschen nach Rettung dürsten, und das Wort Gottes ist wie ein Glas kaltes Wasser, wie Wasser aus der Quelle des Lebens, dann wollen sie es selber gern hören und kennen und dieses „lebendige Wasser trinken“. „Dem Durstigen gebe ich umsonst“, gerade dem Durstigen öffnet sich in diesem

Psychologische Hilfe beschränkt sich auf die Werte dieses Lebens, und seelsorgerliche Hilfe ist ein Blick in die Ewigkeit. Es geht um die Überwindung des Todes

А бывало ли такое, что кто-то подобным разговорам сопротивлялся?

Ну, конечно. Не все были готовы к общению. Кроме того, многие выросли в атеистическом окружении и не привыкли соотносить свою жизнь с миром духовным, иногда казалось, что есть люди как бы «запечатанные». И, соответственно, таким людям трудно и даже болезненно думать о таких вещах.

Была ли подобная практика в твоей работе в качестве душепопечителя в Доме престарелых им. Карла Блюма?

Да, но немного по-другому. Это пожилые люди, которым просто нужны были утешение и надежда. Надежда нужна до последнего момента. Поэтому я старалась обратить внимание на продолжающуюся жизнь, на возможность радоваться каждому моменту, возможность быть в мире со всеми. Ценить каждый день, который нам дает Господь, сделать что-то хорошее – проявить любовь и внимание к ближним.

Чем церковное душепопечение, в частности, если речь идет об умирающих, отличается от психологической помощи?

Психологическая помощь умирающему, так называемая «паллиативная помощь» – это проявление любви и внимания, что тоже важно, но без взгляда за пределы смерти. В такие моменты пациенты обычно сами понимают, что этого мало. Психологическая помощь ограничивается ценностями этой жизни, а душепопечительская помощь – это взгляд в вечность. Это о преодолении смерти. Намного более сложный и важный вопрос.

Нужна ли специальная профессиональная подготовка для тех, кто работает в этой сфере? Особый курс для пасторов, диаконических сотрудников?

Да, нужна. Время от времени нужно освежать свои знания, ведь что-то забывается. И нужно, чтобы коллеги общались друг с другом, делились своим опытом.

У тебя есть сейчас такой круг общения?

Сейчас, практически, нет. Но раньше, когда я жила в Петербурге, был. Общалась часто с коллегами из разных Церквей. И семинары посещала в Теологической семинарии в Новосаратовке и в „Caritas“, и между собой мы делились опытом.

Что можно сказать человеку на пороге смерти, когда слова кажутся уже бессильными?

Почему слова бессильные? Они как раз-таки имеют силу. «В начале было Слово и оно есть Альфа и Омега». Всегда можно поинтересоваться, в чем человек нуждается в последний момент? Молитва об умирающем вместе с ним вслух или про себя – это тоже Слово.

А чего, наоборот, ни в коем случае говорить не следует?

Ну, не давать советов, наверное. И не говорить что-то в духе: «Ой, у моей подруги/дяди/бабушки было так же...». Ни у кого «так же», одинаково не бывает. Нельзя сравнивать человека ни с кем. Нужно просто быть рядом...

О чем люди обычно вспоминают, говорят охотнее всего на пороге смерти? С каким чувством они оглядываются на прожитую жизнь?

По-разному. Одни разочарованы абсолютно. У меня был такой случай, когда человек сказал: «Я даже не могу сказать, насколько ужасной была моя жизнь, поэтому я не буду исповедоваться». Другие, особенно, когда исповедуются, они себя по-другому чувствуют: и радостней, и более подготовленными. Заметила, что многие охотно вспоминают детство, радостные моменты, также вспоминают трудные времена, но не с ожесточением, а с каким-то звенящим глубоким смыслом, который, как мне кажется, останется в вечности, и эти страдания будут иметь там какой-то сокровенный смысл.

Удивительно, но кризис имеет две стороны: с одной стороны, это ужас, мрак, а с другой, готовность воспринять что-то новое, поиск этого нового и открытость для него. Когда человек открывает свое сердце для Бога, он готов воспринять то, что ему предстоит, и всё негативное уходит.

Душепопечителю приходится переживать все чувства вместе с умирающим. Сначала это горе, шок, потом отрицание: «я не хочу, я не буду», агрессия. Потом стадия, когда начинается «торг»: человек спрашивает: «Что я должен сделать?», «А что мне Бог сделает?», «А почему?». Когда стадия «торга» проходит, приходит успокоение, а потом наступает стадия принятия. Это уже готовность. И служение душепопечителя в том, чтобы все эти стадии пройти со страдающим человеком.

Если твой подопечный другой конфессии (религии) попросит привести представителя его веры, ты готова сделать это?

Ну, да, конечно. Я так и делала во время моей работы в Петербурге. Мы работали все вместе и позвать представителя соответствующей конфессии не составляло труда. Но я также помогала православным священникам подготовить людей к православному Крещению, например. Для меня было важно, чтобы человек делал это осмысленно и без принуждения.

Что ты сама хотела бы услышать от душепопечителя на месте твоих подопечных?

Я бы хотела, чтоб кто-то смог просто быть рядом – спросил бы о чем-то и помолился, если не вместе со мной, то обо мне. Ну и чтобы, как говорится, было кому «воды подать». Это, действительно, важно. ■

Беседу вела Елена Дякина

Я также помогала православным священникам подготовить людей к православному Крещению. Для меня было важно, чтобы человек делал это осмысленно

Moment die Tür zum Heil. Und dann spürt man, was der Mensch hören möchte und was ich in diesem Moment sagen muss. Dann läuft die Gemeinschaft von Herz zu Herz.

Kam es auch vor, dass jemand Widerstand gegen derartige Gespräche geleistet hat?

Ja, natürlich. Nicht alle waren bereit zuzuhören. Außerdem sind viele in einer atheistischen Umgebung aufgewachsen und nicht daran gewöhnt, ihr Leben der geistlichen Welt zuzuordnen; manchmal schien es, als gäbe es Menschen, die verschlossen und irgendwie „versiegelt“ sind. Und dementsprechend fällt es solchen Menschen schwer und tut ihnen sogar weh, über diese Dinge nachzudenken.

Gab es eine derartige Praxis bei deiner Arbeit als Seelsorgerin im Carl-Blum-Seniorenheim?

Ja, aber etwas anders. Das sind ältere Menschen, die bloß Trost brauchten. Hoffnung braucht man bis zum letzten Moment. Deshalb bemühte ich mich, auf das weitergehende Leben hinzuweisen, auf die Möglichkeit, sich an jedem Moment zu freuen und mit allen in Frieden zu leben. Jeden Tag wertzuschätzen, den uns der Herr gibt, etwas Gutes zu tun – jemandem Liebe und Aufmerksamkeit zu erweisen.

Wodurch unterscheidet sich kirchliche Seelsorge, besonders an Sterbenden, von psychologischer Hilfe?

Psychologische Hilfe für einen Sterbenden, sogenannte „palliative Hilfe“, ist der Erweis von Liebe und Aufmerksamkeit, was auch wichtig ist, aber ohne den Blick hinter die Grenzen des Todes. In solchen Momenten begreifen die Patienten meist selbst, dass das zu wenig ist. Psychologische Hilfe beschränkt sich auf die Werte dieses Lebens, und seelsorgerliche Hilfe ist ein Blick in die Ewigkeit. Es geht um die Überwindung des Todes. Eine viel schwierigere und wichtigere Frage.

Ist eine spezielle Ausbildung für die, die in diesem Bereich arbeiten, nötig? Ein besonderer Kurs für Pastoren und Diakoniemitarbeiter?

Ja. Ab und zu muss man sein Wissen auffrischen, manches vergisst man. Und es ist nötig, dass die Kollegen miteinander kommunizieren und ihre Erfahrungen teilen.

Hast du jetzt so einen Austauschkreis?

Zurzeit praktisch nicht. Aber früher, als ich in Petersburg lebte, hatte ich einen. Ich sprach häufig mit Kollegen aus verschiedenen Kirchen. Und ich besuchte Seminare im Theologischen Seminar in Nowosaratowka und bei Caritas und wir tauschten Erfahrungen untereinander aus.

Was kann man einem Menschen an der Schwelle des Todes sagen, wenn Worte machtlos erscheinen?

Warum sind Worte machtlos? Gerade sie haben Kraft. „Am Anfang war das Wort. Und es ist das A und das O.“ Man kann immer nachfragen, was ein Mensch im letzten Moment nötig hat. Ein Gebet für einen Sterbenden, zusammen mit ihm, laut oder

in Gedanken – das ist auch das Wort.

Und was sollte man im Gegenteil auf keinen Fall sagen?

Na ja, wahrscheinlich keine Ratschläge geben. Und nicht so etwas sagen wie „Ach, bei meiner Freundin/meinem Onkel/meiner Oma war es genauso ...“ Bei niemandem ist es „genauso“, es kommt nicht vor, dass es gleich ist. Man darf den Menschen mit niemandem vergleichen. Man muss einfach mit ihm zusammen sein...

An was erinnern sich die Menschen normalerweise, wovon reden sie an der Schwelle des Todes am liebsten? Mit was für einem Gefühl blicken sie auf das Leben zurück?

Das ist unterschiedlich. Die einen sind absolut enttäuscht. Ich hatte so einen Fall, dass ein Mensch sagte: „Ich kann gar nicht sagen, wie schrecklich mein Leben war, deswegen werde ich nicht beichten.“ Andere, besonders wenn sie beichten, fühlen sich anders: sowohl freudiger als auch besser vorbereitet. Ich habe bemerkt, dass viele sich gern an ihre Kindheit erinnern, an freudige Momente; sie erinnern sich auch an schwere Zeiten, aber nicht mit Verbitterung, sondern mit einem tiefen Sinn, der dabei mitklingt und, wie mir scheint, in der Ewigkeit bleiben wird, und diese Leiden werden dort irgendeinen verborgenen Sinn haben.

Es ist erstaunlich, aber eine Krise hat zwei Seiten. Einerseits Grauen und Finsternis und andererseits die Bereitschaft, etwas Neues anzunehmen, die Suche und der Wunsch nach diesem Neuen, und Offenheit. Wenn ein Mensch seine Seele für Gott öffnet, ist er bereit, das anzunehmen, was ihn erwartet, und alles Negative weicht.

Der Seelsorger muss alle Gefühle mit dem Sterbenden zusammen durchleben. Zuerst ist das Kummer, Schock, dann Verleugnung: „Ich will nicht“, Aggression. Dann die Phase, in der das „Verhandeln“ anfängt: der Mensch fragt: „Was muss ich tun?“ „Und was tut Gott für mich?“ „Und warum?“ Wenn die Phase des Verhandeln vorbeigeht, kommt die Beruhigung, und die Phase der Annahme beginnt. Das ist dann schon eine Bereitschaft. Und der Dienst des Seelsorgers besteht darin, alle diese Phasen mit dem leidenden Menschen zu durchlaufen.

Wenn der Mensch, den du betreust, einer anderen Konfession oder Religion angehört und dich bittet, einen Vertreter seines Glaubens zu holen, bist du dann bereit, das zu tun?

Ja, natürlich. Das habe ich schon während meiner Arbeit in Petersburg gemacht. Wir haben alle zusammen gearbeitet, und es machte keine Umstände, einen Vertreter einer anderen Konfession zu rufen. Ich habe zum Beispiel orthodoxen Priestern geholfen, Menschen auf die orthodoxe Taufe vorzubereiten. Für mich war wichtig, dass der Mensch das bewusst und ohne Zwang tat.

Was würdest du selber an der Stelle der Menschen, die du betreust, gern von deinem Seelsorger hören?

Ich würde einfach wollen, dass jemand bei mir ist – mich nach etwas fragt und betet, wenn nicht mit mir zusammen, dann für mich. Dass, wie man sagt, jemand da ist, der mir „Wasser bringen“ kann. Das ist wirklich wichtig. ■

Ich habe orthodoxen Priestern geholfen, Menschen auf die orthodoxe Taufe vorzubereiten. Für mich war wichtig, dass der Mensch das bewusst tat

Еврейское кладбище – ДОМ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ

Екатерина Карасёва,
востоковед-гебраист,
г. Санкт-Петербург

«В деревне Анатовка с давних пор жили русские, украинцы и евреи. Жили вместе, работали вместе, только умирать ходили каждый на свое кладбище... Таков обычай!»

Григорий Горин «Поминальная молитва»

Всё, что связано с похоронными обрядами и загробным миром, вызывает у многих людей суеверный трепет. Каждый в детстве не раз слышал страшилки о том, какие кошмары происходят ночью на кладбище. Неудивительно, что во многих религиях кладбищу придается особый статус, нахождение на нем живых людей строго регламентируется, и иудаизм в этом плане не является исключением из правил. Кладбище для евреев – это важное место, и его посещение связано со многими тонкостями.

С одной стороны, это почитаемое место. В еврейских языках существует масса эвфемизмов, в которых этот факт всячески подчеркивается: «дом живых», «дом вечности», «святое место» и другие. Кладбищенская земля приравнивается по святости к Земле Израиля. Каждая новая еврейская община в первую очередь стремилась обустроить землю под кладбище: без него невозможно нормальное функционирование общины. Кроме того, на кладбище можно попросить умершего родственника или знаменитого праведника помолиться за живых

и передать просьбу Богу. Отсюда возникла традиция посещения могил праведников в определенные дни и возведения на их могилах особых мест для молитвы.

С другой стороны, соприкосновение с мертвым телом и всеми местами, где оно находится, тесно связано с вопросами ритуальной чистоты. Посещение кладбища делает человека нечистым, поэтому прежде чем посещать синагогу, прикасаться к священным книгам и совершать прочие действия, требующие ритуальной чистоты, необходимо совершить омовение. Коэнам (потомкам священнослужителей из рода Аарона) вообще запрещено появляться на кладбище. На кладбище нельзя принимать пищу, выносить с него предметы, шуметь и нарушать покой его обитателей. А покидая его, следует омыть руки.

Еврейский похоронный обряд не слишком радикально отличается от христианского. Похоронами занимается особое братство – «хевра кадиша», и состоять в нем весьма почетно. В иудаизме стремятся похоронить тело как можно скорее. На могиле устанавливают надгробный памятник из камня или дерева.

На стеле, как и на христианских памятниках, содержится основная информация о покойном: его имя, имя его отца и дата смерти. Дата – как и вся остальная информация – записывается с помощью букв еврейского алфавита и в соответствии с еврейским календарем, который отличается от того, которым мы привыкли пользоваться, другим летоисчислением и делением на месяцы, а также их названиями. К примеру, сейчас по еврейскому летоисчислению идет 5778 год от сотворения мира.

В зависимости от материального положения общины, пожеланий родственников, местных традиций и других факторов текст может дополняться. Некоторые эпитафии даже содержат полные тексты поминальных молитв, например, «Господь, исполненный милосердия» («Эль мале рахамим»).

Кладбище посещают нечасто. В еврейской традиции принято навещать могилы родственников только раз в год перед осенними праздниками (Новый год и Судный день), а те, у кого живы родители, на кладбище не ходят совсем.

Еврейское кладбище – это почитаемое место. Кладбищенская земля приравнивается по святости к Земле Израиля...

На могилах кознов часто рисуют ладони, сложенные в благословляющий жест...

На женских могилах нередко можно встретить менору, храмовый семи-свечник. (Иногда изображается только пять свечей). Это символ благочестия и намек на то, что именно женщины зажигают субботние свечи...

Львы – один из самых распространенных символов на еврейских надгробиях. Это символ колена Иуды, царской власти, Мессии. Часто их изображают попарно – как стражей или держателей корон

Из-за подобного отношения (с одной стороны, святое место, с другой – место, куда редко ходят) кладбище нередко пребывает в полузаброшенном состоянии, за могилами почти не ухаживают, но тем не менее, саму территорию тщательно берегут и охраняют.

Интересно, что в еврейской традиции, в отличие от традиции христианской, не принято приносить на могилы цветы. На них в память об умерших кладут камни. Об этом замечательно сказано в стихотворении Александра Городницкого «Камни». Вот отрывок из него:

*Много раз объясняли мне это, и всё же неясно пока мне,
Почему не цветы на могилы евреи приносят, а камни?
Потому ли, что в жарких песках Аравийской пустыни,
Где в пути они гибли, цветов этих нет и в помине?*

*Потому ли, что там, где дороги души бесконечны,
Увядают цветы, а вот камни практически вечны?
Или в том здесь причина, что люди стремятся нередко,
Снявши камень с души, передать его умершим предкам?*

*Потому ли, что Бог, о идущих к нему вспоминая,
Эти камни горячие сытал со склона Синая,
Где над желтой рудой, в голубой белизне пегматита
Прорастали слюдой непонятные буквы иврита?*

*Может быть, эти камни – осколки погибшего храма,
Что немало веков сберегают потомки упрямо?
К ним приходят потом, как к стене неизбывного плача,
Вспоминая о том, кто уже невозвратно утрачен.*

Учитывая тот факт, что кладбище посещают редко, эпитафия скорее пишется не для читателя, а для бессмертной души, чтобы она могла найти место своего упокоения. Согласно эсхатологическим представлениям в иудаизме, после прихода Мессии мертвые оживут, и душе нужно найти то место, где покоится ее тело. Потому пишется эпитафия не на разговорном языке общины (еврейское население зачастую билингвально: один язык используется в повседневном общении, а древнееврейский – преимущественно в литургии), а на языке священных текстов иудаизма.

Однако классификация этого языка довольно затруднительна. Текст эпитафии состоит в основном из фрагментов литургических текстов,

Текст молитвы «Эль мале рахамим» на надгробии на еврейском кладбище в Варшаве

Поминальная молитва «Эль мале рахамим» в переводе на русский язык:

Господь, исполненный милосердия!
Дай обрести покой, уготованный на крыльях Шехины,
на ступенях святых и чистых, лучащихся сиянием небосвода,
душе *имя*, сына/дочери *имя*, отошедшего / -ей в вечность,
ибо я обещаю (не беря обета) пожертвовать на благотворительность,
чтобы была память о его/ее душе,
да обретен он/она покой в Эдемском Саду.
И пусть укроет Всемилостивый крыльями Своими навеки
и приобщит к сонму вечных душу его/ее.
В Боге удел его/ее.
Да почиет он/она на ложе своем в мире.
И скажем: Аминь.

ה. ב. ז. י. ל. – аббревиатура, обозначающая «Да будет душа его/ее завязана в узле жизни» [tehi nafsh/nafshah tsurrah bitsror hakhaim]. Эта наиболее часто используемая заключительная формула в эпитафии является перефразированной цитатой из 1. Цар. 25,29, где по сюжету такое пожелание высказывает царю Давиду красавица Авигея

В еврейской традиции не принято приносить на могилы цветы. На них в память об умерших кладут камни...

→ написанных в разные периоды и зачастую вырванных из контекста. На одной стеле легко можно встретить библейскую цитату на древнееврейском языке вперемежку с выражениями из Талмуда на арамейском и вкраплениями идиша. Поэтому эпитафия написана не на каком-то определенном языке, а составлена из клише.

Сильная клишированность текста предполагает наличие некоей общепринятой структуры: вступительная формула, имя покойного с характеристикой, дата смерти и заключительная формула. Чтобы охарактеризовать положительные качества покойного-мужчины, часто обращаются к книге Иова: «человек честный и прямодушный» (Иов 1,1), а излюбленная заключительная формула – перефразированная цитата из Первой книги Царств: «Да будет душа его/ее завязана в узле жизни» (1 Цар. 25,29).

Эти и другие общеизвестные цитаты из священных текстов (еврейской Библии и молитв) комбинируются составителями эпитафий очень творчески: используются переносные значения слов, и изначальный контекст часто не учитывается. Таким образом, из подобных «кирпичиков»-цитат из разнообразных источников, узнаваемых большей частью еврейского населения, составлялась эпитафия на святом языке.

В еврейских эпитафиях охотно выделяют религиозную составляющую при характеристике человека. К примеру, используются такие формулировки, как «богобоязненный/-ая

истинно», «благочестивый», «праведник», «все свои дни занимался изучением Торы/соблюдал заповеди», «тот, кто ходит непорочно» (Пс. 14,2) и т.д.

Самые виртуозные составители эпитафий могут сочинять собственные тексты на высоком языке, вплетая в него цитаты, оформляя эпитафию в виде акrostиха и зашифровывая в нем различную информацию о покойном.

Трудно сказать, что еврейские надгробия отличаются какой-то особой формой. На внешний вид надгробия влияют скорее местные традиции и природные особенности, нежели религиозные предписания. Однако и тут есть несколько правил, которых необходимо придерживаться. Например, принято, чтобы все надгробия были ориентированы на Иерусалим, на восток. Также запрещено изображение человека в каком бы то ни было виде. Этот запрет связан с запретом идолопоклонства. Но еврейские художники-резчики с лихвой компенсируют недостаток изображений человека витиеватыми растительными и животными узорами.

Многие художественные элементы выбираются не случайно. Например, символом колена Иуды является лев, поэтому на могиле человека по имени Йехуда (Иуда) нередко можно встретить изображение льва. На могилах кознов часто рисуют ладони, сложенные в благословляющий жест. Если на стеле изображен кувшин, это значит, что здесь похоронен левит: во времена существования еврейского Храма их задачей было омыwać руки священникам. На женских могилах нередко можно встретить менору, храмовый семисвечник. Это символ благочестия и намек на то, что именно женщины зажигают субботние свечи.

Кроме того, изображения животных могли иллюстрировать некоторые душевные качества покойного: лев символизирует силу, лань – быстроту, и так далее. Нередко через изображения на памятнике подчеркивается мудрость покойного: свиток Торы или книга на стеле указывают на богобоязненность и ученость того, кто под ней похоронен. На еврейских, как и на христианских надгробиях, часто можно видеть дерево жизни как оберег и символ вечности.

На протяжении последнего столетия еврейские кладбища трансформируются и становятся всё более похожими на кладбища нееврейских соседей. В более поздних эпитафиях постепенно отходят от использования святого языка: растет доля разговорного языка общины (идиш, русский и прочие), датировка по еврейскому календарю заменяется грегорианской, на надгробиях появляются фамилии и даже иногда фотографии людей. Нередко бывает так, что евреев хоронят не на отдельном кладбище, а на особом еврейском участке общего кладбища, чего раньше нельзя было представить.

Однако все эти изменения не затрагивают главного: кладбище, хоть и по-прежнему пугает своей потусторонней сущностью, но остается центральным и чуть ли не самым главным местом для общины, без которого она, как это ни иронично, не может жить. ■

На еврейских, как и на христианских надгробиях, часто можно видеть дерево жизни как оберег и символ вечности...

1 Перевод автора

Hauch Deiner Ewigkeit

In unserem dahingehenden Leben, o Herr,
 ahnen wir Deine stille Ewigkeit.
 Die Dinge beginnen - und haben ihre Zeit - und
 enden.
 Im Anfang des Tages fühlen wir voraus,
 wie er im Abend sinken wird.
 In jedem Glück mahnt schon das kommende Leid.
 Wir bauen unser Haus und schaffen unser Werk
 und wissen, dass es zerfallen muss.
 Du aber, o Herr, lebst,
 und keine Vergänglichkeit
 rührt an Dich.
 Keines Dinges bedarfst Du.
 Nichts entbehrest Du.
 Alles bist Du.
 Aller Herrlichkeit Inbegriff ist Dein.
 Von dort bist Du, Jesus Christus, zu uns gekommen
 und hast uns Kunde gebracht von dem,
 „was kein Auge gesehen hat,
 und kein Ohr vernommen, und was
 in keines Menschen Herz gedrungen ist“.
 Wenn die Zeit vollendet ist,
 soll dort auch meine Heimat sein.
 Lass das Verlangen dorthin in meinem Herzen
 nie sterben, damit ich im Wandel des Lebens
 dessen inne bleibe,
 was allem Leben erst Maß
 und Sinn gibt.
 Lass mein Gemüt vom Hauch
 Deiner Ewigkeit berührt sein,
 damit ich das Werk der Zeit richtig tue
 und es einst hinübertragen dürfe
 in Dein ewiges Reich.
 Amen.

(Romano Guardini)

Дыхание Твоей вечности

В нашей уходящей жизни, о Господи,
 Мы предчувствуем Твою тихую вечность.
 Всё, что начинается, имеет свой срок и завершается.
 В начале дня мы предвидим,
 Как вечером он угаснет.
 В каждом мгновении счастья уже маячит грядущее
 страдание.
 Мы строим наш дом и выполняем нашу работу
 И знаем, что всё это однажды разрушится.
 Но Ты, Господи, живешь,
 И преходящее
 Не затрагивает Тебя.
 Ты не нуждаешься ни в чем.
 Ни в чем не испытываешь недостатка.
 Ты есть всё.
 Твое есть воплощение всякого величия.
 Оттуда Ты пришел к нам, Иисус Христос
 И принес нам весть о том,
 Что «не видел глаз,
 не слышало ухо,
 и не приходило на сердце человеку».
 Когда придет время,
 Там будет также и мой дом.
 Пусть стремление туда никогда не умрет
 В моем сердце, чтобы я в жизненных перипетиях
 Сохранял то,
 Что дает всей жизни измерение
 И смысл.
 Пусть моя душа ощущает
 Дыхание Твоей вечности,
 Чтобы я правильно делал временное
 И смог однажды перенести его
 В Твое вечное Царство.
 Аминь.

(Romano Guardini)

«До моей блаженной кончины»

Антон Тихомиров, пастор, д-р теол.,
ректор Теологической семинарии Евангелическо-
Лютеранской Церкви, г. Санкт-Петербург

О песнопении „So nimm denn meine Hände“ («Возьми же мои руки», № 261 в сборнике песнопений ЕЛЦ) велось множество споров. Многие критики обвиняли его текст в безвкусице и даже пошлости. Долгое время его отказывались включать в официальные сборники песнопений. Но сегодня без этого хора трудно представить себе лютеранскую (да и не только) песенную традицию. Это песня доверия, песня-мольба о близости со Христом. Но интересно, что очень часто она звучала (да и сегодня еще звучит) именно на погребении.

Интересной особенностью является то, что в тексте этого песнопения, этой молитвы нет конкретного обращения, только лишь местоимение «Ты». Здесь можно увидеть многое: особую близость, возвышенную мистику – Бог, для которого в человеческом языке нет имени, или глубокое переживание в духе «Я и Ты» Мартина Бубера. Но я вижу в этом, скорее, другое. Вот это „So...“ в начале немецкого текста – «Так...» (или частица «же» в русском переводе)... Эта песня, стихотворение – продолжение долгого разговора. Этим разговором была внешне неприметная жизнь автора стихов Юлии Гаусманн. Таким разговором может быть и жизнь каждого из нас.

Но кто этот «Ты»? Вопрос, казалось бы, простой. Но на такие внешне простые вопросы особенно важно постараться найти ответ или, по крайней мере, его поискать. В английском переводе стоит «Отец»: “O take my hand, dear Father”. То есть в понимании переводчика речь идет о небесном Отце.

Или, скажем, одно время был обычай петь это песнопение на свадьбах, как бы намекая на то, что, в конце концов, под его словами опосредованно может подразумеваться предложение руки и сердца. Отдельные высказывания в песне могут подсказать нам, что подразумевается Иисус Христос. Приходят на память слова из Лк. 9, 57: «Господи! я пойду за Тобю, куда бы Ты ни пошел».

«Возьми же мои руки», – эти слова стоят во множественном числе. Обычно берут за руку. И это правильно: вторая рука нам нужна, она должна оставаться свободной. Даже если речь идет о вступлении в брак, предлагают «руку и сердце». Целое сердце – но «вторая рука» остается свободной. А здесь поэт обе свои руки отдает Христу, отказываясь от последних остатков независимости, от всякой свободы маневра.

Даже сложно наглядно представить себе, как такое может выглядеть. Это скорее жест, подходящий для объятий или для танца. Может, как раз крайне стеснительная и чуравшаяся поэтому светских развлечений Юлия Гаусманн и мечтает о танце через всю жизнь, в котором будет вести ее Христос. Но может, здесь подразумеваются просто руки, сложенные для молитвы.

“Ich mag allein nicht gehen“. Я не могу и не хочу идти одна. Мы уже говорили, что автор текста была стеснительной женщиной и общение с людьми было ей в тягость. Соответственно, одиночество было ей не в диковинку, причем вряд ли она так уж сильно боялась его. Но мне кажется, что здесь речь может идти об одиночестве куда более глубоком.

Мы можем быть очень общительными или состоять в очень глубоких и интенсивных отношениях с кем-то. Но всё равно в нас есть такие глубины, куда не может проникнуть ничей взгляд. В момент смерти каждый из нас будет один. В конце концов, мы одиноки. Есть вещи, которые никто из людей не может разделить с нами.

И вот именно из такого одиночества порой так хочется вырваться. Юлия Гаусманн ищет преодоления такого одиночества у Христа. Он – Тот, Кто по-настоящему понимает и принимает нас – до самых последних глубин и до самых последних поверхностных черточек. С Ним мы больше не одни. Для поэта крайне важно сказать это.

О ней, о такой слабости, говорит и Павел (2 Кор. 12,9). Эта слабость благословенна, потому что в ней открывается сила. В разговорах с верующими людьми постоянно проскакивает фраза: «Вера дает мне силы жить». Нас постоянно призывают быть сильными: пусть даже пассивно-сильными в перенесении невзгод или в сопротивлении злу. И, знаете, от этого устаешь. Вместе с героем фильма «Молчание» Мартина Скорсезе так и хочется воскликнуть: «Есть ли где-то в этом мире место для слабого человека?!»

Я очень хочу верить, что христианство – это не только призыв быть сильным так или иначе, а и утешение для слабых: не требование к ним – станьте наконец сильными, а принятие их в этой слабости. Если Христос пришел в мир не за этим, то зачем тогда? Признать свою слабость, принять ее и быть принятым в своей слабости – вот подлинная Божья милость, открывающаяся людям.

Юлия Гаусманн не пишет: укрепи мое сердце, наполни его Своей мощью, ободрь меня. Она говорит: “In dein Erbarmen hülle mein schwaches Herz“ – «укутай его Своей милостью, мое слабое сердце». Укутай его, как мы укутываемся вечером в теплое одеяло. Уставшие вечером, мы просим не бодрости и новых сил, а покоя, тепла и приятной слабости сна. Стоит напомнить, что эта песня стала популярной во многом благодаря мелодии Фридриха Зильхера, которая изначально была написана для колыбельной... Наше песнопение дает нам – мне – надежду. Если есть на земле место для слабого человека, то оно должно быть в нашей Церкви.

“Und mach es gänzlich stille in Freud und Schmerz“ – «И сделай его полностью спокойным и в радости, и в боли». Одно время меня очень смущали эти слова. Отказываться от радости и не чувствовать страданий – кажется, это означает стать бесчеловечным, превратиться в робота. Однако поэт о таком и не просит. Она не отказывается ни от радости, ни от страданий. Она лишь просит о спокойствии и тишине в них.

Тишина – один из глубочайших символов Божественного, ибо она не меняется, она совершенна. Тишина позволяет нам особенно глубоко заглянуть в себя самих и почувствовать присутствие Бога. Она выводит нас за пределы шумных будней. Автор текста просит о тишине и в радости, и в боли. Не отказываться от счастья и не требовать нечеловеческого стоицизма в страданиях, но через радость и боль находить путь в глубину, путь к вечности. Это то, к чему, как мне кажется, стремится поэт.

„Wenn ich auch gleich nichts fühle von deiner Macht, du bringst mich doch zum Ziele, auch durch die Nacht“ – «И если я даже прямо сейчас не чувствую Твоей силы, Ты все равно ведешь меня к цели – в том числе и через ночь». Снова речь идет о бессилии. Идти со Христом можно, не имея своих сил и не ощущая Его божественной силы. Вера – не всегда о силе. Сила – это

важное религиозное понятие, но, может быть, впервые именно в христианстве оно оказывается слегка подвинуто, и на первое место выходит – пусть только в виде намеков – нечто другое, для чего у нас пока нет подходящего имени.

В этих строках к этой мысли добавляется еще и образ ночи. Это давняя мистическая традиция описывать ощущение богооставленности – «темной ночи души» (св. Иоанн Креста) – при помощи этого слова. Бог тогда ближе всего к нам, когда Он кажется особенно далеким.

И снова мы возвращаемся к начальным словам. Но сейчас я хочу обратить внимание на то, как они заканчиваются: “führe mich bis an mein selig Ende und ewiglich!“ – «Веди меня до моей блаженной кончины и вечно». И вечно. Путь со Христом не заканчивается нашей смертью и вступлением в рай, как об этом поется во множестве других песен и утверждается во множестве проповедей. Это не конец пути, а его продолжение.

Божественная вечность – это тоже путь. Не некий абсолютно статичный покой, но своего рода радостное, увлекательное приключение. Вечное блаженство – это вечный благословенный путь. Или, может, здесь снова стоит вспомнить тот образ, который мы упомянули в самом начале – образ танца? Наш путь со Христом через эту жизнь – иногда нелегкий, тернистый, порой пролегающий сквозь ночь с ее одиночеством и страхами, теперь, наконец, действительно превращается в вечное кружение волнующего танца. Чем не образ для вечной жизни?! ■

Юлия Гаусманн (1826-1901) – автор духовных стихотворений, балтийская немка, жительница Российской империи. Сохранились сведения о том, что она якобы написала стихотворение „So nimm denn meine Hände“ после внезапной смерти своего жениха

261

T: *So nimm denn meine Hände*; Ю.Гаусманн, 1862.

П: А.Тихомиров

М: Ф.Зильхер, 1842

Возь - ми же мо - и
Сквозь , тьму, сквозь скорбь и
ру - ки, Ве - ди ме - ня
му - ки К си - янь - ю дня.
Я э - то - го не зна - ю Сов -
сем пу - ти. Возь - ми ме - ня с Со -
бо - ю, И Сам ве - ди!

„In meine Hände habe ich dich gezeichnet“

*Herr, du bist nicht ein Gott der Toten,
sondern lebendiger Menschen.
In dir leben alle, die du heimggerufen hast.*

*Wir gedenken aller, die wir liebten,
aller, mit denen wir lebten.
Was uns verbindet, ist deine Güte,
mit der du sie und uns liebst.*

*Wir gedenken ihrer vor dir.
Kein Weg führt zu ihnen oder von ihnen zu uns
außer dem Weg zu dir und von dir.*

*In dir sind wir eins mit ihnen.
Dir danken wir, dass sie in deiner Hand sind,
von denen du gesagt hast:
„In meine Hände habe ich dich gezeichnet!“
Amen.*

(Jörg Zink)

«Я начертал тебя на дланях Моих»

*Господи, Ты – не Бог мертвых,
Но Бог живых людей.
В Тебе живут все, кого Ты призвал домой.*

*Мы чтим память всех, кого мы любили,
Всех, с кем мы жили.
Нас объединяет Твоя доброта,
С которой Ты любишь их и нас.*

*Мы чтим их память пред Тобою.
Никакой другой путь не ведет к ним или от них к нам,
Как только путь к Тебе и от Тебя.*

*В Тебе мы едины с ними.
Тебя мы благодарим за то,
что они в Твоей руке, те, о которых ты сказал:
«Я начертал тебя на дланях Моих».
Аминь.*

(Йорг Цинк)